ПУЧОК ПЕРЦЕПЦИЙ

СИЯНИЕ ЦВЕТА СВЕЖЕГО МЯСА

Ненасытным вскоре стало Рыло.
Вылезало на целый метр
из кирпичной стены гаража.
Клацало зубами, визжало, матом
крыло все что видело. Жрало, а
как обожрется, начинало рыдать.
Слушало Рыло и запоминало всех,
а вскоре и вовсе стало наведываться
домой к детворе, что его породила.

Нечто (Алгоритм)

Пучок Перцепций

Сияние цвета свежего мяса

«Алисторус»
2026

УДК 82-312.9
ББК 84стд1-445.1

Перцепций П.

Сияние цвета свежего мяса / П. Перцепций — «Алисторус», 2026 — (Нечто (Алгоритм))

ISBN 978-5-00269-080-0

Пучок Перцепций — новый, молодой голос постсоветского хоррора. Один из самых ярких авторов ужасов на всём постсоветском пространстве. Именно он довел лавкрафтовский ужас на фоне панелек и заброшек до невероятного мастерства и филологического совершенства. Подростки рисуют на стене гаража Рыло, — и оно становится порталом в космический ужас. Несколько мажоров оказываются в сельской местности и видят хрущёвки, закопанные по крышу в землю. Загадочный подросток в компьютерном клубе начала нулевых может ввести вас в квартиру, которой нет на карте. Это истории, происходящие в знакомых каждому из нас декорациях разбитых дворов, заброшенных промзон и аварийных домов. Спешите познакомиться с современным русским хоррором!

УДК 82-312.9
ББК 84стд1-445.1

ISBN 978-5-00269-080-0

© Перцепций П., 2026
© Алисторус, 2026

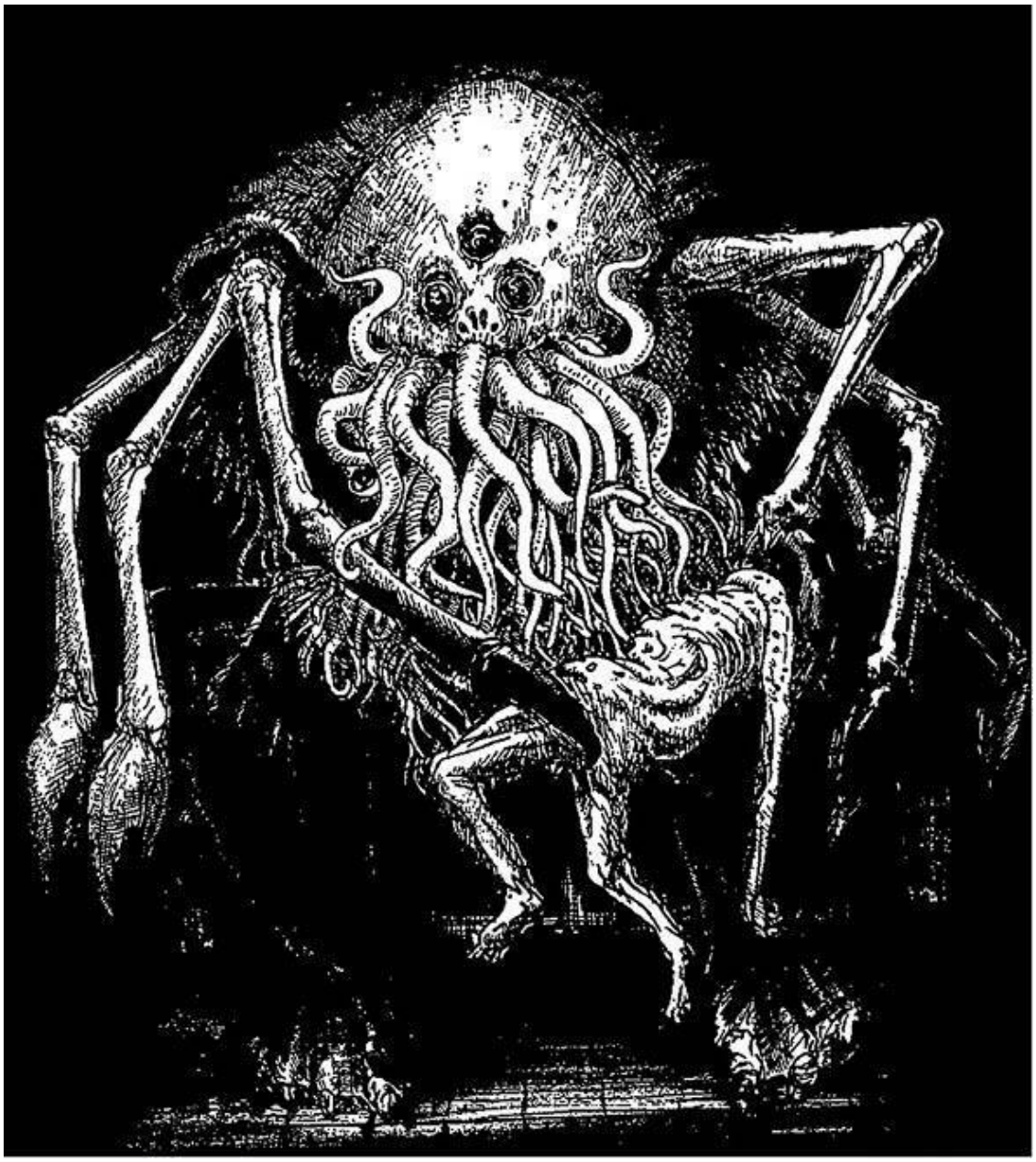
Содержание

Одесский хоррор 6
Кукольщик 15
Огни далеких дней грядущих 22
Колонисты 31
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Пучок Перцепций
Сияние цвета свежего мяса

© Пучок Перцепций, 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

Одесский хоррор

Всё началось со скрипа половицы. Одесский дом имеет, наверное, полторы сотни лет истории за плечами. Двор маленький, соседствует с парой таких же. У входа в один из них, сбоку, словно ордена, висят две мемориальных доски о годах жизни Катаевых. Старая квартира, никакого намека на следы всеми известного «одесского» юмора и доброго нрава. Цвет обоев почти нефритовый, давно выцвел, узоры неприятные, начинают вызывать «диссоциативные флешбэки». Почти каждый материальный и видимый предмет в доме изнасилован временем – скрипит, дребезжит, при прикосновении едва не разваливается. Мебель частично украденная, где-то с инвентаризационными номерами времен СССР, где-то – пережитки девяностых, со стороны – полный разнобой. По всей квартире трубы. Неоднократно крашенные, засаленные, цвет из белого перешел в ветхо-больничный. Визуально напоминают пломбир, который уронили в грязь, – паутина, сажа или гарь, мутный, почти визитка курильщика, налет

янтарного жира поверх. Ванная – чисто чтоб или «вскрыться» или как минимум думать про это. Плитка на стенах лазурная, рельефная и местами побитая. Сколы и трещины намекают на моральные, быть может, душевные терзания, что порой брали верх над волей. Потолок где-то далеко. В его вневременном календаре вечная зима, от паутины в углах иногда отрываются снежинки годами плененного июльского пуха и падают, словно брошенный прочь фантик, что за миг полета в воздухе уверовал в свою избранность. Рядом с ванной – комната, где туалет. Бачок на цепочке, под самым потолком – три полки, закрытые нелепой велюровой тканью. Между ванной и туалетом – маленький предбанник. В этом месте пара открытых дверей пребывает в вечном сражении. С годами стали отчетливо видны шрамы от ручек, которыми они парно наградили друг друга. На полу два полумесяца бесцветной радуги – следы от дверей, что просели в петлях. Они же протерли пол «до мяса». Еще есть одна комната. В ней загнанный в угол пережиток не случившегося времени – «диван-кровать», годами растекается, поддаваясь закону всемирного тяготения. Плоскость далеко не горизонтальная: спать на таком – путь в «йоги».

«Такое» обычно можно снять за 1,5–2 тысячи гривен. Если сейчас всё не слишком изменилось – это меньше сотни долларов. Нет смысла рассказывать, что меня заставило снять это жилье, как и нет смысла в большинстве моих поступков, что последуют далее. Была то середина двадцатого года. Нет сомнений, что во всем виновата эта проклятая квартира, и да – всё началось со скрипа половицы.

При всем вышесказанном, провести интернет и работать из этого «жилья» у меня получалось, равно как и жить, вернее, существовать в нем. Грез о будущем тогда себе особо не строил. Застрял в самобытном «бермудском треугольнике». Кухня-спальня-туалет, или наоборот. Последовательность не важна. Везде была одна переменная, которая медленно, по капельке сводила меня с ума. Пол в предбаннике. Тогда всё и началось.

Каждый мой поход в туалет или ванную сопровождался тем, что двери терлись о вечно скрипящий пол. Те самые следы от дверей, почти канавы, никак не меняли ситуацию. Двери вечно с трудом открывались, а старый пол всегда скрипел. Может показаться, что это весьма крошечная, даже не бытовая проблема, но когда ты застрял в своем домашнем «бермудском треугольнике» и месяцами безвылазно сидишь дома, это начинает сводить с ума. Поэтому я и решился «починить» пол, разобрать его.

Инструмент, заказанный доставкой, приехал на следующий день, и пришлось ориентироваться по мере выполнения работы. За свою жизнь руками особо никогда не работал, поэтому делал всё самым варварским методом. Сначала содрал воняющий кошачьей ссаниной линолеум. Первый слой – следы нулевых. Под ним был еще один, дебелый – его целым рулоном скрутить не получилось, пришлось отдирать кусками, помогая себе стамеской. Это уже были девяностые. После этого было что-то вроде фанеры или ДСП, красный цвет, вроде лак поверх краски. Кажется, уже советское время. Далее доски, рыхлые, проеденные какой-то дрянью. Уже становилось сложно оценить, какому времени они были обязаны. За ними, как ни странно, был еще один слой досок. Более двадцати сантиметров пола уже было снято, и до того, что могло скрипеть, оставалось немного. После еще одного часа борьбы с очередным слоем «эпохи», показались они. Первые, дореволюционные, еще царские доски. Один мой «коллега» посоветовал мне перекрутить всё на саморезы вместо гвоздей, попутно подложив на место неровностей «печеньки». Это такие пластиковые кусочки разной толщины, которые обычно используют установщики окон, чтоб выровнять плоскость – для меня это всё было в новинку, и я без раздумий послушал его. Гвозди, которые с трудом выходили из дерева, были кованые, наверное, тоже царские. Когда мне наконец удалось победить последний слой, под ним меня ждало весьма неожиданное, вызвавшее трепет открытие. Среди мелких камушков, жужалки и пыли была небольшого размера фаянсовая шкатулка.

Признаюсь, за годы жизни в Одессе я успел наслушаться достаточно историй про «царское золото» и спрятанные драгоценности времен гражданской войны. Поэтому первая моя реакция сопровождалась понятным радостным лепетом. Если бы я только знал, что меня ждет… Эх… Если бы…

Сама шкатулка была небольшой, её размер, наверное, можно сравнить с пакетом молока. Цвет – тот же нефрит, с прожилками оранжевого. Не находя себе места от восторга и предвкушения, открыл её. Ожидал увидеть драгоценности, камни, да хоть золотые зубы. Вместе всего этого там был небольшой сверток. В момент, когда аккуратно доставал его, он приятно зазвенел, отчего по желудку растеклось тепло эйфории. Звон монет…

Внутри свертка действительно были две огромные монеты, завернутые в непонятную материю. Сам материал той ткани или кожи был очень грязный, хоть и лежал внутри закрытой шкатулки. Он был настолько грязен, что у меня не сразу получилось разглядеть неаккуратно выведенные красные буквы на нем. Внимательно изучив надпись несколько минут, удалось прочесть примерно следующее:

«Стигматъ на очиъ, кладъ да обретешъ». Внизу дописка: «Азмъ для зретъ. Измъ для бытъ».

Опять же, это не буквально, слово в слово, а скорее, как мне удалось это прочесть и передать. Также внутри шкатулки была огромная цыганская игла, размера куда большего, чем те, что встречались мне на протяжении жизни, и свернутый трубочкой кусок выцветшей желтой бумаги. Внутри бумажки было одно длинное, сплошное слово-предложение:

«НаОчъПокладъТаВсъЖеланъТвоъБудъЯвъ»

Этот «шифр» мною был понят как «На очи клади и все желания твои будут явью». Стоило мне только прочитать эту надпись, как сам сверток бумаги «хрустнул» в моих руках. Сначала пополам, а затем начал распадаться кусками хлопьев. Все мои попытки не дать ему исчезнуть делали только хуже, и вскоре возле моих ног уже была россыпь одноцветного конфетти из старой бумажной трухи.

Сами вызвавшие столько трепета монеты, к сожалению, оказались не «царскими пятаками». Никогда таких не видел, и сравнивать толком не с чем. В центре каждой были такие символы, чем-то напоминающие значки включения и выключения на технике. Полукруг и прорезь посередине, не буквально, но что-то очень близкое к этому. На другой стороне – то же самое, только вверх ногами. Изначально мне показалось что обе монеты абсолютно одинаковые, но это было не так. Одна была заметно темнее. Она осталась такой и после того, как полежала в соде, и даже после того, как я попробовал почистить её зубной пастой.

Ну а дальше я, как и любая безденежная голова, начал думать, как бы скорее их «пихануть». Пошел в субботу на «Староконку» с кентом, в надежде их по-быстрому за большие деньги впарить. Кент к тому же шарил за эту тему и обладал классической харей под «купи-продай». Прошастали мы с ним по «Староконке» целый день, и так никто за монеты адекватную сумму не дал. Один чумной дед предлагал за них электрошашлычницу, но я отказался.

Где-то месяц они провалялись у меня дома, на столе возле ноутбука, а потом я впервые за долгое время вышел в люди, на день рождения к своей знакомой. Ну и, как это бывает, выпил там лишнего. Ничем особым поход туда не закончился, лишь по возвращении домой я в приступе пьяной глупости взял монеты и зачем-то положил их себе на глаза. Сейчас даже не вспомню, о чем я думал в тот вечер, и думал ли вообще. Это просто случилось и все. Без каких-то мыслей и загаданных желаний. Они с минуту холодили глаза, а затем, кажись, вместе с ними на лице я провалился в сон. И вот снятся мне уже знакомые улицы Одессы, только они какие-то бесцветные. Дома все пустые, даже оконных рам нет. Вокруг ни дерева, ни куста. Черное небо над головой находится словно в метре, и рукой при желании до него можно дотянуться. Все какое-то совершенно неправильное. Но неправильное не в ту сторону, как это бывает обычно

во снах, где своя логика и течение событий. Оно кажется мне ненормальным по другой причине, словно увидел я то, что человеку не положено наблюдать даже во снах. Будто попал в место, куда уходят умирать забытые кошмары. Там же от осознания этого мне как стало жутко… Бегу, задыхаюсь – но проснуться не могу, ибо чувствую, что монеты эти к моим глазам прилипли, и вижу я все далеко не своим зрением. Руки во сне тщетно пытаются их вытащить из глаз, но они уже глубоко. Сначала где-то под веками, затем под всплывшими поверх глазными яблоками.

Если вы думаете, что, проснувшись, я все понял и избавился от монет сию же секунду – нет, как бы не так. Пережитый опыт закономерно был клеймен «просто сном», а монеты пролежали у меня дома еще несколько месяцев, пока я наконец их не продал на той же «Староконке» какому-то выездному «нумизматчику» с Винницы.

Дальше все было относительно спокойно. Никакие дурные сны мне больше не снились, да и в самой жизни настала так называемая «стабильность». Потом так же незаметно и карантинные ограничения сошли на нет, так что вскоре пошел я устраиваться на работу. Как и всегда, короткий период меня преследовала череда неудач, так что в то время я особо не обращал внимание на то, что происходит вокруг. Был поглощен бытовухой и на этом все. Затем, когда все наконец устаканилось, и начались классические будни «работа-дом», тогда, наверное, и случился первый эпизод, после которого все и завертелось.

В июне я устроился продавцом-консультантом в магазин стройматериалов. Работа не пыльная, особых талантов не требует. Клиенты практически всегда были одни и те же, так что за коротким процессом самой работы следовали долгие часы посиделок и безделья. Гоняли чаи, пили кофе и ходили на перекуры каждые двадцать минут. Со мной в магазине еще работали две девушки. Одной чуть меньше тридцатки, второй в мае стукнуло тридцать семь. С первой мы особо не общались, она все свое время проводила в телефоне, а вот с той, которой было тридцать семь, общались на постой. Хотя, наверное, общением называть это неправильно. Она жаловалась на свою жизнь, а я вроде как просто молча слушал. В такой заурядной рутине «это» и случилось со мной впервые.

Стоим мы на перекуре, был то какой-то совсем не торговый день. В такие дни на улице перед магазином, перед тем как вернуться обратно, мы зачастую выкуривали по пять, а то и больше сигарет. Она мне что-то там жалуется, на детей, на мать, на мужа, на соседей и подорожавшую коммуналку. В процессе ее жалоб я замечаю, что на ней такая здоровенная нитка черная. Ну навскидку около метра длинной. Я ей кивнул, мол на тебе нитка, она как-то совсем бегло себя осмотрела и дальше давай: «Моя мать такая-сякая… дети не слушаются… муж пьет». Кто его знает, почему, но мне эта нитка не давала покоя, и я вновь сделал на этом акцент. Так повторилось еще два раза – я ей об этом говорю, она не видит и дальше о своих проблемах мне по ушам ездит. Наконец я не выдержал, подошел и убрал с нее эту черную нитку. Она еще, помню, на меня как-то странно посмотрела и на этом прекратила свои жалобы. Далее все последующие перекуры в тот день прошли спокойно, без жалоб и прочего.

Проходит неделя, и снова похожий эпизод. Опять все не так – мать, дети, муж. Вновь слушаю ее и вижу такую же нитку, только уже у нее на волосах. Я ей опять, мол, у тебя нитка, и показываю на голову, она попросила убрать, ну я и убрал. После этого снова как по щелчку пальцев ее отпустило. Никаких жалоб и прочего.

Через неделю, когда похожий эпизод повторился вновь, и я снял с нее очередную черную нитку, она спросила, не экстрасенс ли я. Типа я что-то там делаю, а у нее все проблемы уходят.

– Ты вот «что-то» там убираешь, а у меня будто башку из тисков достают. Стою потом и думаю: «Ну я и дура», – за такие пустяки на всех как собака срываюсь. Всех люблю после этого. И мать свою, и детей, и мужа. Даже соседи-алкаши, и те какими-то обычными людьми становятся. Хожу потом, будто пелена с глаз спала, а затем все возвращается обратно. Сама не пойму почему.

Я ее, помню, послушал, но что-то вообще никакого значения словам этим не придал. Как-то банально отшутился – не более. Спустя неделю она вызвонила одну из своих подруг, и та завалилась к нам на работу. Тогда же она мне и говорит: дескать, помоги ей, как мне помог. А я стою и вообще не врубаюсь. Она: «Ну, убери с нее… ну как ты это делал… ну как с меня в общем». Признаться, в такой неловкой ситуации мне еще бывать не доводилось. Это с учетом того, что всю свою жизнь я был максимальным материалистом и вообще ни во что, кроме «черного экрана» после смерти, не верил. Лишь бы скорее закончить происходящий абсурд, я было хотел как-то наигранно поводить над ней руками и сказать, что дело сделано, но потом, сам того не желая, снова заметил черные нитки. Как и на моей коллеге с работы, они были длинные и висели в разных местах, прилипнув к телу. В итоге убрал их, и баба там прям аж засияла вся. Накинула сверху пятихатку и чуть ли руки мне не начала целовать. Со словами: «Я не помню, когда последний раз себя так хорошо чувствовала».

Через неделю моя коллега привела с собой еще двух подруг, а затем еще и еще. Кажется, к концу лета «помочь» я успел около тридцати ее знакомых и подруг. В знак благодарности кто-то давал деньги, другие приносили домашние огурцы либо копченое сало. Однажды, ближе к Новому году, мне подогнали билеты в дельфинарий, которые я впоследствии выменял на «Привозе» у одного азербайджанца на ящик хурмы. Все было просто прекрасно. Наверное, это мечта любого одессита. Ты ничего не делаешь, убираешь с людей невидимые ниточки, а они тебе несут всяческие блага цивилизации. «Вот оно», – думал я. Золотая жила. Сейчас накоплю себе бабок на хату на «Аркадии» и буду ее сдавать летом посуточно. Та ты что, вот это песня. Тогда же, на самом пике, мне и открылась обратная сторона этой незаурядной деятельности.

Кенту, помню, рассказал о своем «даре», когда пиво пили, а он мне:

– Слушай, у меня дед постоянно такое рассказывает… ему то нечистая сила стекло в постель насыпает, то ночью чертик придет и за глазик пощипает. Ты не поможешь ему, по старой дружбе?

Жил так-то мой кент один, и деда ему подселили насильно. Чтоб смотрел за ним на старости, ну и бухал меньше. Бухать мой кент меньше не стал, даже наоборот. Своими историями дед его так задолбал, что бухать он начал совсем ненормально. Комната его напоминала бомжатник. На полу валялись десятки пустых бутылок, вся постель завалена какими-то коробками и пакетами. Везде мусор и сигаретные окурки. При всем этом на моем кенте ни одной «ниточки». Что меня, если быть до конца честным, не раз приводило в недоумение. Там же в зале его дед. Просто весь в каких-то ментальных «репяхах», стручках и колючках. Деда натурально будто привязали к трактору и пропахали им поле. Никогда такого не видел. Часа пол убирал с него весь этот «мусор». По мере того, как «чистил» его, дед становился все спокойнее. «Ну», – спрашиваю у кента, что за чертик его за глаз щипает, а он мне:

– Это у него ближе к ночи происходит, нужно посидеть в комнате и подождать.

В моем представлении это был такой малюсенький, со спичечный коробок размером «чертик». Безобидный, как и прочий видимый мною ранее ментальный «мусор». Я думал, начнет его дед звать на помощь, увижу этого «чертика» и прогоню его на раз-два. На крайняк выброшу этого «чертика» с балкона третьего этажа или там же просто раздавлю ногой. Все продумал в своей голове до тех пор, пока он нас не позвал…

Ровно три часа ночи. Из зала звучит тихое: «Ай-ай». Ну, думаю, вот оно, сейчас прогоню этого «чертика» и поеду домой спать. Заходим мы с коим кентом в зал, тот врубает свет и спокойно себе стоит, а я от увиденного не могу пошевелиться. Вижу, как его дед сидит на диване, а к нему с улицы, через балконную дверь черная рука тянется, которая еле в комнате помещается. Она была настолько огромная, что даже вся не пролазила в дверь. Лишь тройка пальцев, что и щипала деда за глаз. Дед при этом сидел на диване, словно загипнотизированный, и не двигался. Только тихо «айкал» от боли. Там-то я и помянул «имя Господа всуе» и, наверное, сделал это слишком громко, ибо обладатель гигантской черной руки медленно вытащил ее и

с любопытством заглянул внутрь, через открытую настежь балконную дверь. Его мутный глаз – необъятный, заполнивший собой все пространство дверного проема, неотрывно смотрел в мою сторону. Мне казалось, что это конец, что сейчас случится нечто совершенно ужасное. Но вместо какой-либо реакции он просто потерял ко мне интерес. Отпрянул от балкона и ушел. В дверном проеме стал виден соседний дом и уличный фонарь, а существо это, размеров колоссальных, без шума куда-то делось. Вот тогда я и понял, что у моего, так сказать, «дара» есть и другая сторона. Темная, которая способна видеть вот такие вот страшные проявления бытия. К счастью, этот случай в своем роде был единичный. Смотреть в темноту ночного неба с того дня мне хоть и было страшно, но больше никаких существ гигантских размеров видеть там не доводилось. По факту я не видел его целиком и тогда. Лишь огромные пальцы и гигантский глаз, но мой ум все и так сделал за меня. Поэтому в моем мире отныне где-то по ночной Одессе бродило бесшумное нечто и засовывало свои огромные пальцы в квартиры к беспомощным старикам.

Кажется, прошло меньше месяца, и меня нашли. Такие же «видящие», но не с благой целью, как может показаться из логики истории, а с самой что ни на есть коммерческой.

– Ты хоть представляешь, каких дров наломал? Ты же нам весь сезон запорол своей «помощью», – говорила одна из пришедших меня «линчевать».

Всего их было человек восемь. Они поймали меня возле дома и были очень злы. Все разного возраста, но примерно одинакового социального статуса, отчего определить, кто из них главный, было трудно. Девушки, женщины, мужики и деды. Каждый негодовал по-своему.

– Подождите, это «этот» на Малиновского теткам чистил «ауру»? Скотина! Ты хоть знаешь сколько мы по ним работали?! Ты же, падла, стольких людей на голод обрек!

Послушай этот разговор кто-то посторонний, непременно пришел бы к выводу, что это какая-то «стрелка» торговцев пирожками, ибо наполнен разговор был сплошными аналогиями с едой. Наконец, спустя час нарисовалась их главная. Представилась тетей Фаиной (хотя как для тети она уже была одной ногой на том свете) и начала мне озвучивать расклады:

– У нас в Одессе все как часы работает. Соблюдаем равновесие. А ты вот, можно сказать, годами создаваемое равновесие нарушил. Людей без хлеба оставил, а мы друг о друге привыкли заботиться. Значит, ситуация, следующая: там, где накосячил, – отработаешь, а потом, если захочешь, то будешь с нами двигаться.

– Простите, я не совсем понимаю, что от меня то требуется.

– Ну как что, людям помогать.

– Так я уже вон помог.

– Э н-е-е-е-т-т-т, ты их приучил к халяве, а это не хорошо. В Одессе все, что бесплатно, сразу умножай на три. Расценки у нас годами стандартные и не меняются уже сотни лет. Моя бабка еще Левитану и Утесову ауру чистила, так что я знаю, о чем говорю. Ты, кстати, откуда такой хороший нарисовался, случайно не киевлянин?

– Нет.

– Хорошо. Киевлянин – это одессит, который не доехал до заветной «заграницы». Но я не об этом, к какому роду принадлежишь?

– В смысле?

– Ну «силы» по кому тебе перешли? По бабке или матери?

– Не знаю.

– Как не знаешь? Быть такого не может, ты вон столбом на десятки метров светишься. Так тебя, голубчика, и нашли. Еще свет такой яркий, небось потомственный род. Понятно, что ты приезжий, у нас тут все на карандаше, просто хочу понять, откуда…

– Да ниоткуда, и никаких колдунов в роду у меня нет и не было. Просто я как-то на работе увидел на коллеге черную нитку и убрал ее.

– Подожди-подожди, что ты сейчас сказал? Ты что руками трогал «это», руками?

– Ну да, а потом она привела свою подругу, а та рассказала кому-то еще, ну а дальше «сарафанное радио».

– Стоп. Я правильно понимаю: ты трогал руками эту дрянь?

– Да, а что такого? Нитки же эти – как сгоревшие стебельки травы, моментально рассыпались в черную пыль…

Пока я это говорил, тетя Фаина сделала шаг назад и ее глаза округлились.

– Господи… а как… тебя что, не учили, что ее трогать нельзя?

– Да некому меня учить было, я вам еще раз говорю, что у меня никаких магов и колдунов в роду не было, я вообще во всю эту хрень до недавнего времени и не верил даже.

– Боже мой… ты хоть понимаешь, что натворил? Это даже хуже, чем в 1986 году на четвертом реакторе куски графитовых стержней голыми руками собирать…

– Они что, радиоактивны?

– Нет, что за вопросы, ты что совсем «поц»? Они намного хуже. Они влияют не на тело, а на твою бессмертную душу. «Облучают» ее. Ты теперь «светишься» не только в нашем мире, а на все измерения, большинство из которых темные и страшные. Обычного «видящего» злые сущности видят, но из-за света этого мира не могут в потоке различить. Он ослепляет их и не дает им добраться до таких как мы. А твой случай иной. Ты сейчас сияешь самой настоящей «сваркой». Даже если тебе удастся каким-то неведомым образом где-то скрыться – секунды взгляда на тебя им достаточно, что образ твой как от все той же сварки отпечатался в их существе. Отныне ты не часть нашего мира. Совсем скоро они доберутся до тебя, и тогда самая страшная смерть покажется тебе благом.

– Подождите, но не может же все быть так предрешено? Должен же быть способ все произошедшее со мной отменить. Я ведь только недавно стал «таким». Кажется, все началось после тех монет, которые по пьяной глупости я положил на свои глаза и задремал…

– ЧЕГО?!

– Ну, мне так кажется. Я у себя дома пол делал, и под полами нашел две монеты в шкатулке, а потом как-то набухался, положил их на глаза и случайно придремал…

Вместо того чтоб дослушать мои разъяснения, тетя Фаина попятилась и начала кричать. Ее глаза налились абсолютно животным ужасом. Продолжая кричать, она перешла на медленный бег. Огромная компания, которая толпилась возле моего двора мигом исчезла. С того дня я их больше не видел.

Месяцами я гуглил и ездил по всяким медиумам и экстрасенсам, в надежде хоть что-то понять. Ходил к гадалкам и ведуньям. Как кикиморы, они были облеплены черными нитками, колосками, палочками и стебельками черной травы. Никто из них не был настоящим «видящим». Это были лишь шарлатаны, поставившие свою деятельность на поток, а мне были нужны люди, обладающие реальными способностями. Но даже возможного намека на реальных «видящих» в процессе всех своих поисков я не нашел.

Вместо этого я начал «проваливаться». Было это вот как: все начинается с простых наблюдений. Отчетливо становятся видны детали, которые до этого ускользали. Раз – и ты вдруг замечаешь, как обветшал наш мир. На домах нет живого места от трещин, с уличных скамеек давно сошли краски, столбы проржавели. По улицам ходят покрытые морщинами дети и играют в бомжей. Они подбегают к прохожим и просят милостыню, а те вместо монет дают им что-то мелкое, гадкое и живое. Пока в это же время на Дерибасовской, ближе к горсаду, появляется самопальное кладбище, где огромные могильные плиты, высотою с двухэтажный дом, закрывают собою черное солнце.

Тогда я думал: «Вот оно, это и есть смерть. Загробный мир, я умер и просто не заметил этого, вот о чем говорила тетя Фаина», – и тогда же я впервые заметил тех, кто смотрит на меня не из нашего измерения. Это как столкнуться с кем-то взглядом в длинном коридоре или наблюдать свое отражение на дне колодца. Окружающее как-то искажается, все приобретает

туннельные очертания. Появляется эффект приближения, и тебя словно по воздуху тянет к наблюдающему за тобой субъекту. Только он не где-то конкретно. Не в десятке метров или на противоположном конце улицы. Он слово тянет тебя через замочную скважину в свой мир, который не осмыслить и не найти. Вот и то, что ты уже в процессе такого «поглощения», тебе становится ясно по мере того, как привычный мир изменяется. Становясь таким, каким он существует для обитателей темных измерений.

Это был первый раз, когда я увидел того, кто наблюдает за мной. Через разрез в реальности он смотрел и, словно рыбу, проглотившую наживку, перетягивал меня в свое жуткое измерение. В тот раз у него ничего не вышло, я увидел, откуда он это делает, и от моего внимания он начал исчезать, но это не означало, что и с другими все будет так просто. А в том, что встречи эти не заставят себя ждать, я даже не сомневался.

Всего через несколько дней мне приснился сон, где я в своем родном городе, нахожусь в квартире родителей и куда-то собираюсь. Во сне мне кажется, что я куда-то опаздываю. Этот мотив преследует меня на протяжении всего сна. В коридоре сумки, все вещи в пакетах, а полки в комнатах пусты. При этом мать и отца во сне я не вижу, они всегда в какой-то другой комнате и постоянно задают мне вопросы в духе: «Зимние вещи класть? А школьные альбомы?» и т. д. Сам я периодически занимаюсь чем-то похожим, но без конкретного понимания. Во сне это выражено в бездумном заглядывании в пакеты и хождении из комнаты в комнату. Мать с отцом все не перестают у меня что-то спрашивать и попутно говорить: «Скоро дядя Саша приедет попрощаться. Тетя Таня уже должна быть». Я вроде как знаю эти имена, но в тоже время их не помню. Буквально сразу же голос матери из моей спальни говорит: «Приехали, давай выходи». Я отвечаю, что хочу посмотреть, и иду из зала к себе в спальню. Окна моей комнаты смотрят на двор, где возле забора детского садика находится парковочный «карман». Матери в комнате нет. Ее голос звучит уже из кухни и говорит: «Не надо, не смотри в окно». Мне становится очень тревожно. Когда я захожу в комнату, с порога за окном видна одинокая акация и крыши двухэтажного садика за ней. У меня третий этаж, и чтоб увидеть дорогу под домом, нужно подойти к самому подоконнику. Медленно, шаг за шагом я иду к подоконнику и ожидаю увидеть под домом какую-то машину, которая приехала за мной, но вместо этого, снаружи прям под самым окном вижу макушку черной, лысой, неприятной головы. Там же мне становится ясно, что со мной все это время говорил ее обладатель. Голова эта начинает медленно подниматься, и я просыпаюсь.

Жизнь моя застряла между кошмарами и явью. Вы не знаете, кто наблюдает за вами, когда вы испытываете негативные эмоции и срываетесь по пустякам на ближних, а я знаю. Я вижу их. Они смотрят на меня из своих темных измерений, и их взгляд отравляет видимый мною мир. Он превращается всегда во что-то жуткое, наполненное тоской и страданием. И каждый раз я упускаю момент, когда все начинает меняться. Им не препятствия стены, как не препятствия и мои сны. Они всегда видят меня. Где бы я ни был.

Как и любой наивный человек, в конечном итоге в надежде на спасение я пошел в церковь. Пришел туда и обомлел от увиденного. Попы, словно нечисть из гоголевского «Вия», ползали по стенам. А затем, словно гигантский нетопырь, на черных крыльях, состоящих из церковной рясы, на землю сошел их главный. Взмахом своих крыльев он потушил все свечи разом и, подняв жуткую пасть кверху, сотряс рыком утробным, от которого наверху зазвучали колокола, церковные стены.

Месяцами я шастал по улицам, не живой и не мертвый. Одна реальность наслаивалась на другую. Все смешивалось, и купленная в магазине свежая колбаса через секунду могла стать погрызанной собаками палкой, а затем вновь колбасой. Чашка кофе в процессе меняла свое содержимое также, не один десяток раз. Так что я успевал и наесться, и напиться, и лучше уже тут умолчу, «чем».

Единственное, что всегда оставалось неизменным – это совсем-совсем маленькие дети. Они были просто пятнами света. Я как какой-то маньяк терся возле детских площадок и смотрел на этот «свет». Пере ним отступало все, включая тьму, ежесекундно намеревающуюся меня сожрать. Может, так было из-за того, что, только придя в наш мир, они еще не успели забыть «вечность», частью которой были совсем недавно. Я смотрел на этот свет неделями, пока до меня не дошло, что в каком-то роде я ничем не лучше тех, кто наблюдает за мной из измерений темных. Тогда я и изолировал себя от мира окончательно.

Последние несколько месяцев я сижу дома. Иногда я пишу эту историю, но все чаще спрашиваю себя: для чего? Наверное, нет ничего смешнее, чем хоррор, приключившийся с человеком в Одессе. Будь это фильм ужасов, меня бы точно играл Делиев либо Барский.

Я снова стал заложником «бермудского треугольника». Кухня-спальня-туалет. Только теперь, когда я иду в кухню, очень часто мой коридор становится бесконечным, где вдалеке всегда кто-то есть. Они смотрят на меня и смотрят. Меняют мой мир и притягивают к себе. Ждут, пока я перестану замечать изменения вокруг. Вот тогда они до меня и доберутся. А пока у меня еще есть немного времени, которое я всеми силами хочу потратить на жизнь. Так как, кроме вездесущей нечисти из других измерений, я постоянно думаю о той огромной цыганской игле, которая, помимо монет, была в найденной мною шкатулке. Думаю, для чего же она там была. А теперь, дописывая этот текст, я, кажется, наконец понял, что делать с этой иглой. Надеюсь, я окажусь прав, и все закончится.

Кукольщик

Вчера в новостях по телевизору показывали наш город. Спустя двадцать лет они поймали его. Я был прав. Все это время я был прав. В новостном сюжете его прозвали «Кукольщик», но я его помню под другим именем. Между собой мы называли его «Тем, кто роет ямы». Это прозвище ему дал Димон, за несколько месяцев до своего исчезновения.

Я вырос в небольшом промышленном городке, где кроме заводов и железной дороги ничего значительного больше и не было. Моя семья была среднего достатка, как и семьи моих друзей – Ромыча, Пахи и Димона, судьба которого сложилась трагично. Всех нас в одно время объединила любовь к «страйкболу» и неспособность опробовать его вживую. Мы были буквально одержимы им, но что сами «стволы», что обмундирование стоило космических денег, которыми ни мы, ни наши семьи не располагали. Поэтому нам приходилось довольствоваться тем, что было, а именно дешевыми китайскими «воздушками». От этого наше увлечение для четырнадцати лет, когда все вокруг бегают за девушками и пробуют алкоголь, становилось донельзя постыдным. Звучит, конечно, безумно, но в то время мне проще было представить, что меня кто-то застукает с сигаретой в зубах, чем за игрой в «войнушку». Думаю, даже попытайся мы кому-то объяснить, что таким образом воссоздаем игру в «страйкбол», то понима-

ния, увы, но мы бы скорее всего не нашли. Вот нам и приходилось втайне от всех идти за ж/д пути, в лесополосу, в прямом смысле за черту города, чтоб играть в «страйкбол», которым мы были так одержимы в то время.

Там же, за городом, мы нашли одно место, которое вскоре начали оборудовать под игровые «позиции». Тащили туда найденные за ж/д путями доски, шины и куски металлических листов. Паха принес из сарая лопаты, и мы стали рыть вокруг небольшие траншеи и окопы. С помощью раздобытого Ромычем инструмента мы напилили досок и прибили их к стволам деревьев, сделав ступеньки, которые вели к сделанным наверху «секреткам». Сами «воздушки», уходя, мы прятали в небольшой сумке, которую заматывали от дождя в несколько пакетов, после чего все это погружалось в землю. У нас был по-настоящему огромный и сложный лагерь с выстроенными позициями, где мы могли часами играть «два на два». Принцип игры был до ужаса простой. Что-то выступало в качестве цели (шоколадный батончик, бутылка воды или банально палка). Цель была внутри условленного штаба. Двое обороняющихся, двое атакующих, и в среднем двадцать минут на подготовку, после чего начиналась игра. Если мы были атакующим, то шли как можно дальше от нашего «лагеря» и ждали там, пока оговоренное время не истечет. Ну а если мы были обороняющимися, то тогда нам приходилось как можно лучше прятаться в черте «штаба» и ждать атакующих. В одну из таких игр, когда мы с Ромычем были в роли обороняющихся, все и случилось.

Помню, мы только поделились по командам и начали занимать свои позиции. Когда мы с Ромычем были в одной команде, то редко прибегали к мобильной обороне и в основном где-то заседали в ожидании атакующих. В тот раз в качестве позиции мы выбрали одно из десятка деревьев, на которых сверху были доски. Забравшись на дерево, мы стали ждать. Тишина в нашем лагере была особой. Порой даже шум проносящихся поездов, которые от нас были не так уж и далеко, там был каким-то тихим. Так что любой хруст ветки, листика и палочки разносился эхом на десятки метров. Еще ничего не увидев, я понял, что к нам приближается кто-то чужой. Пацаны так не ходили, они старались это делать бесшумно, а здесь же этот «кто-то» стремительно топал, и судя по усиливающемуся звуку, в нашу сторону. Мы и до этого сидели молча, а поняв, что это не пацаны, начали дышать через раз, а затем прямо под наше дерево вышел он. Тот, кого спустя двадцать лет в новостях прозовут «Кукольщиком». «Тот, кто роет ямы».

С виду это был зачуханный человек, возрастом около сорока лет. Для конца лета он был как-то слишком тепло одет, отчего даже тот пеший темп шага, с которым он пришел, вызывал в нем одышку. Остановившись, он сбросил с плеч грязную спортивную сумку и отер рукавом пот со лба. Переведя дыхание, он осмотрелся по сторонам, затем достал из своей сумки складную саперную лопатку и принялся быстро копать. Сидя на дереве, мы продолжали наблюдать за его действиями, в надежде, что он нас не заметит. Копая, мужик то и дело останавливался и смотрел по сторонам. Иногда мне казалось, что он напуган, иногда – что просто спешит. В процессе копания из его рта вылетали неразборчивые фразы, на которые он, будто гавкая, отвечал. Выглядело это примерно так: «Бр-бр-бр СКАЗАЛ!», снова взгляд по сторонам и вновь копает: «Бр-бр-бр КОГДА?!», снова пауза и взгляды по сторонам: «Бр-бр-бр НЕТ!». Так он и продолжал копать, озираться и, борясь с собой, выкрикивать отдельные фразы. Затем, когда вырытая им яма стала относительно глубока, из своей сумки он достал пластиковую руку от манекена и бросил ее туда. Все также ругаясь и крутя головой, он в несколько движений закопал яму, после чего засунул сложенную лопату обратно в сумку и стал быстро удаляться.

Мы были в полном шоке, нам даже сказать друг другу было нечего. Сидеть на дереве мы продолжали до тех пор, пока пластиковая пулька не попала сначала в Ромыча, затем в меня. Даже тогда, после того как ничего не подозревающие пацаны нас «подстрелили», мы все еще продолжали сидеть неподвижно и молча. Первым слез Ромыч. Подбежавшие к нам пацаны радовались своей победе, но довольно быстро по выражению лица Ромы им стало ясно, что

что-то не так. Затем слез я и указал им на бугорок перекопанной земли вдали. Наш совместный рассказ получился довольно скомканным, поэтому им захотелось все увидеть самим. Куском доски Димон начал рыть землю, пока кремового цвета пластик не показался под ней. Он же достал эту пластиковую руку оттуда. Почему-то ни мне, ни Ромычу, ни даже пришедшему с Димой Пахе не хотелось прикасаться к этой руке. Было в ней что-то отталкивающее, мерзкое и напоминающее о больнице. Димон всего на год, но был младше всех нас. Это выражалось и в его комплекции, которая на фоне нашей была детской, и в желании доказать свою взрослость. Видя нашу реакцию, он всеми силами пытался показать, что ему все нипочем. Он махал пластиковой рукой как мечом, подкидывал ее и пинал. Он же тогда нам и предложил начать следить за «тем, кто роет ямы».

Две последующие недели он не появлялся, а затем он вновь пришел с сумкой, в которой была пластиковая нога. Снова ругаясь и подозрительно смотря по сторонам, он копал яму. Через три дня он появился вновь, но уже с головой от манекена. После того как он ушел, мы вырыли ее. Лицо манекена была раскрашено косметикой. Следы помады, тени, наведенные брови и румянец. Все это делало лицо манекена запредельно жутким, особенно в тех больных крайностях, в каких была нанесена косметика. Димон и тогда пытался показывать, что ему плевать.

Ближе к осени прятаться становилась все труднее, листва опадала, началась учеба, да и темнеть стало слишком рано. Тогда мы и решили проследить за тем, куда пойдет «тот, кто роет ямы», когда закончит свое дело. Сам день я помню не особо хорошо. Помню лишь, что он закапывал пластиковое туловище, и как перебежками следовали за ним после того, как он закончил. Мы следили за ним до самого его дома, который был не так далеко от ж/д путей. Тогда же Димон предложил еще более безумную идею: проследить за ним в обычный день и узнать, откуда он берет куски этих манекенов.

В течение последующих недель мы после школы приходил в район того мужика и садились где-то поодаль на лавочке или за столик. Попутно мы либо играли в карты, либо бездумно щелкали семечки. Всего раз в выходной день нам удалось проследить за ним до рынка, где тот в течение дня в стороне от всех людей торговал разложенными на клеенке затертыми детскими игрушками. Весь его ассортимент состоял из кукол. Это прозвучит странно и, возможно, предсказуемо, но у продаваемых им кукол отсутствовали конечности, глаза либо волосы. Все имели какой-то дефект и были грязными. Дырки, царапины, оплавленные потеки пластика – на каждой был какой-то след. Даже в том возрасте я был понял, если бы он как сумасшедший сидел с ними весь день, а потом, ничего не продав, уходил домой, но у него постоянно были покупатели. Всегда это были похожие на него грязные и странные люди. Они насыпали в его ладони что-то небольшое, мутное, не похожее на деньги, и «валюту» эту он жадно прятал внутрь одежды своей. Всего за несколько часов он распродал все, после чего свернул свою клеенку и ушел.

Примерно тогда же мы выяснили, на каком этаже он живет. Этот человек мог появиться в окне и часами неподвижно стоять там, отчего каждый из нас чувствовал его взгляд на себе. Наверное, тогда всем кроме Димона это начало надоедать, и, возможно, тогда же, втайне от всех, Димон начал следить за ним один.

С приходом осени «страйкбол» прекратился полностью, а наши долгие прогулки случались только по выходным. После школы я, Паха и Ромыч шли на «компы», а затем домой. Димон уже тогда отбился от нашей компании и продолжал следить за «тем, кто роет ямы». Пересекаясь с нами в школе, он регулярно рассказывал о своих наблюдениях, которые, он считал, его вот-вот приведут к чему-то важному. Он искренне верил, что «тот, кто роет ямы» – маньяк, и он сможет его разоблачить. В отдельной тетради у него были детальные записи о местах, которые тот посещает. Димон рисовал одному ему понятные карты. Там было все: от мест с закопанными кусками манекенов до маршрутов, которые тот выбирал. Примерно тогда

же Димон начал рассказывать нам про бесконечный подвал, куда уходит «тот, кто роет ямы». Из его рассказов могло сложиться впечатление, будто он спускался за ним в саму преисподнюю, где тот отрывал куски торчащей из стен плоти и по кускам лепил похожих на людей существ.

Всего через несколько дней я видел Димона в последний раз. За пару недель до его дня рождения. Он так и не дожил до четырнадцати лет. В моей памяти он навсегда останется ребенком. Таким я его видел в последний раз. Одетым в самую обычную черную куртку и джинсы. В тот же день вечером нам домой позвонила его мама и поинтересовалась, не у нас ли Дима. Домой он так и не вернулся.

Своим родителям я сразу рассказал про того мужика, который закапывал куски манекенов и про слежку, которую впоследствии Дима вел один. Вместе с родителями на следующий день я повторял все тоже самое пришедшем к нам домой милиционерам. Им же я показывал место, где жил «тот, кто роет ямы». Его задержали. Спустя пару дней вместе с Ромычем и Пахой мы показывали милиционерам места, где он зарывал куски манекенов. Они перекопали каждое указанное нами место, и все они были пусты. Ошибиться мы не могли, так как безошибочно ориентировались на местности, где еще летом проводили дни напролет. Задержанным оказался сорокапятилетний местный сумасшедший, который жил с пожилой матерью и сестрой-алкоголичкой. У него было железное алиби. За день до того Дима пропал милицейский патруль забрал его в отделение для выяснения личности. Документов у него при себе не было, а сестра-алкоголичка, напившись, спала и не брала трубку стационарного телефона. Так что все сутки и последующую ночь в день исчезновения Димы он пробыл в отделении милиции. По иронии судьбы вечером того же дня, когда его отпустили, он был задержан вновь.

Месяц следователи пытались из него что-то выжать и найти хоть какие-то зацепки. Все наши показания, включая его странную деятельность, милиция не брала в расчет. Они не смогли найти никаких кусков манекенов ни в указанных нами местах, ни у него дома. Он был полностью чист. В конечном итоге его отпустили, а Димон продолжал числиться пропавшим. С того периода в моей памяти остался лишь милицейский бобик, который, забрав приезжавших к Диминой маме следователей, медленно ехал по длинному двору. Как он оставлял за собой пушистые комочки выхлопных газов и тепла, что в окружении январских морозов вмиг угасали.

Через год у Димы на подоконнике появилась его фотография, стоящая в рамке, а ближе к нашему выпускному его родители переехали. Эти события годами не укладывались у меня в голове. Вот он был, и его просто нет. Мы никогда с пацанами не обсуждали произошедшее, но, наверное, каждый, как и я, гадал, что же с ним все-таки случилось. Куда он исчез? Жив он или нет, и если он умер, то как закончилась его жизнь? Ведь как ни была бы страшна смерть, она, хотя бы пусть и в страшной форме, но отвечает на вопрос: где и как закончилась жизнь. В случае Димы этого ответа не было, а на его место приходила не одна жуткая мысль и десяток кошмаров. Если мысли удавалось прогонять, то от кошмаров было никуда не деться. К своим двадцати годам я не особо помнил, как он выглядел, но в моих снах он всегда приходил в том виде, в каком он был, когда я видел его в последний раз. Самая обычная черная куртка и джинсы. Там у него тоже детский голос, и голос этот мне что-то рассказывает. Он дает понять, как найти его, объясняет, как спуститься в бесконечный подвал, но вместо того, чтоб запоминать это, я стараюсь сначала намекнуть, а затем прямо говорю Диме о том, что он умер. Он мне не верит и уходит. Во сне я остаюсь совершенно один, а затем просыпаюсь.

Годами меня преследовало странное, невысказанное чувство. Мне хотелось обратиться к чему-то связанному с мирозданием и судьбами людей с единственными словами: «Это неправильно. Так быть не должно». Родители Димы имеют право знать, что с ним случилось. Должно же хоть от человека остаться место, куда можно поставить свечку или принести венок, раз хоронить нечего. Но ни такого места, ни намека на его существование не было. Была просто

пустота, а с годами и ее не осталось. Ушли даже наполненные тревогой кошмары. Все прошло, и это тоже.

В течение десяти лет с момента его исчезновения была полная тишина, а затем в разных частях нашего города начали находить куски тел. Руки, ноги, головы. Каждые несколько месяцев – громкий заголовок. К тому времени милицию заменила полиция, которая по найденным конечностям и собирала тела. Мне буквально сразу показалось это странным, и я вышел на связь с Пахой и Ромычем, в надежде, что они придут к похожим выводам. Оба к тому времени обзавелись семьей, детьми и хорошим заработком. На мои догадки они отреагировали примерно одинаково – попросили перезвонить попозже.

Месяц за месяцем я просматривал сайты новостей в поисках очередной статьи про это дело. Практически каждый день я строил все более и более безумные теории насчет найденных конечностей, вспоминая закопанные части манекенов. Тогда же я решил наведаться в район, где жил «тот, кто роет ямы».

Хоть на тот момент прошло всего десять лет со дня, когда его задерживала милиция, и мы видели его в последний раз, выглядел он как глубокий старик. Ему должно было быть пятьдесят лет с копейкой, а видом своим он походил на все девяносто. Еле передвигал ногами и хватался руками за любую поверхность, когда шел. Беззубый, впавший вовнутрь рот без перерыва плямкал и издавал свистящие звуки. Он не то разговаривал сам с собой, не то задыхался. Смотря на этого старика, я осознал, что в своем нынешнем виде он одной ногой на том свете и убивать явно неспособен.

Проходили годы, за которые по найденным конечностям собирались целые люди. Мои мысли в то время прыгали из одной крайности в другую. То я искал во всем связь и мистический смысл, то так же рьяно убеждал себя, что занимаюсь чем-то не тем. Строить догадки было куда проще, чем их объяснять. Так незаметно прошли еще десять лет, а вчера в новостях показали «того, кто роет ямы», и в сюжете своем они назвали его «Кукольщик».

Маньяк, орудующий в нашем городе последние тридцать лет. Тот, кто, по самым скромным подсчетам, убил более сорока человек и оставил после себя еще столько же конечностей, чьих владельцев идентифицировать пока не удалось. Глубокий и немощный старик, с покрытыми пленкой слепоты глазами, не способный без помощи сделать и шага. По телевизору показывали момент задержания и квартиру, в которой он жил. Полицейские протискивались между гор хлама, от пола до потолка им были забиты все комнаты. Я не сразу понял, что весь этот «хлам» сплошь состоит из сваленных в кучу частей манекенов и кукол. Тогда будто тошнота, на меня нахлынули десятки смешанных чувств и, не найдя себе места дома, я отправился на улицу.

Медленно шагая, я думал о том, что наконец-то все закончилось, что теперь мне будет проще относиться к миру, ведь маньяком оказался обычный старик, и все мои безумные догадки не подтвердились. Погруженный в эти мысли и воспоминания о нашем детстве, я перешел ж/д пути и опомнился лишь когда был уже на просторах «лагеря», где мы когда-то играли в «страйкбол». Где-то местами уже начала опадать листва – близилась осень. От окопов и траншей, вырытых нами, через двадцать лет остались лишь совсем незаметные вмятины на земле. Железные листы давно проржавели, а вкопанные шины куда-то исчезли. Даже досок, и тех найти у меня не вышло. Были лишь совсем незначительные следы на деревьях, по которым удавалось понять, где я. Не будь их там, я так бы, наверное, и искал наше место, углубляясь в одинаковую лесополосу.

Так и не добравшись до места, где мне хотелось перевернуть всю эту страницу жизни, я с тревогой начал замечать нечто странное на земле. Десятки следов, что вели к свежим, будто только закопанным ямам. Одна, две, пять – трогать их я бы и не рискнул; вместо этого, одержимый тревожным чувством, пошел по следам. И по мере того, как я следовал по ним, страх и предчувствие худшего умоляли меня повернуть. Эти следы сначала вели вглубь лесополосы,

а затем возвращались к путям. Там, не в сторону города, они поворачивали в сплошные кусты, где уже была кем-то протоптанная тропинка. Следуя по ней, я продолжал идти неизвестно куда. Когда кусты перешли в камыши, а земля под ногами неприятно зачавкала, я и вышел к покосившемуся, врытому в землю входу. Не знаю, как его правильно описать. Толстое бетонное кольцо с отломанной, ржавой решеткой, внутри которой была железная лестница.

Всю жизнь я боялся и жил в страхе, обвиняя себя в бездействии по отношению к Диме. И чтоб разобраться в первую очередь с собой и своим страхом, я полез туда. Зная, что, наверное, кроме бомжей там ничего не найду. Склизкие ступеньки оставляли на руках илистую грязь и ржавчину, на голову капало что-то тяжелое и густое, а затем ноги наконец коснулись земли. Это прозвучит странно, но в том подземном строении, словно аварийные ориентиры, был совсем тусклый свет. Десяток мутных ламп под потолком и столько же светящихся грязных знаков на стенах. Вынув из кармана телефон, я начал светить по сторонам и углубляться вглубь длинного коридора. По бокам его были одинаковые входы в небольшие комнаты. В каждой из них присутствовали следы быта. Какие-то сумки, бутылки, вещи. Последняя из подобных комнат имела огромную, сделанную из мусора кровать и аналогичную мусорную мебель. Осматривая эту комнату, я чуть было вскрикнул от увиденного. Вещи Димы. Его черная куртка и джинсы. Они были там. Висели на торчащей из стены арматуре. Вещи Димы, такие же, в каких он был в день пропажи. Это были его вещи, только их размер был словно для человека трех метров. Куртка напоминала одеяло, а длинные джинсы, как шторы, от потолка шли до самого пола, а затем я увидел кое-что еще. Там была его тетрадь, та самая, в которой он, будучи ребенком, делал заметки и рисовал карты. За чередой одинаковых бессвязных заметок шли записи. Редко они были осмыслены, и в большинстве своем на рассуждения подростка не походили. Возле них всегда было нарисовано что-то жуткое, либо не имеющее рук, либо состоящее только из них. Листая тетрадь в надежде найти хоть что-то конкретное, я наткнулся на это кусок текста:

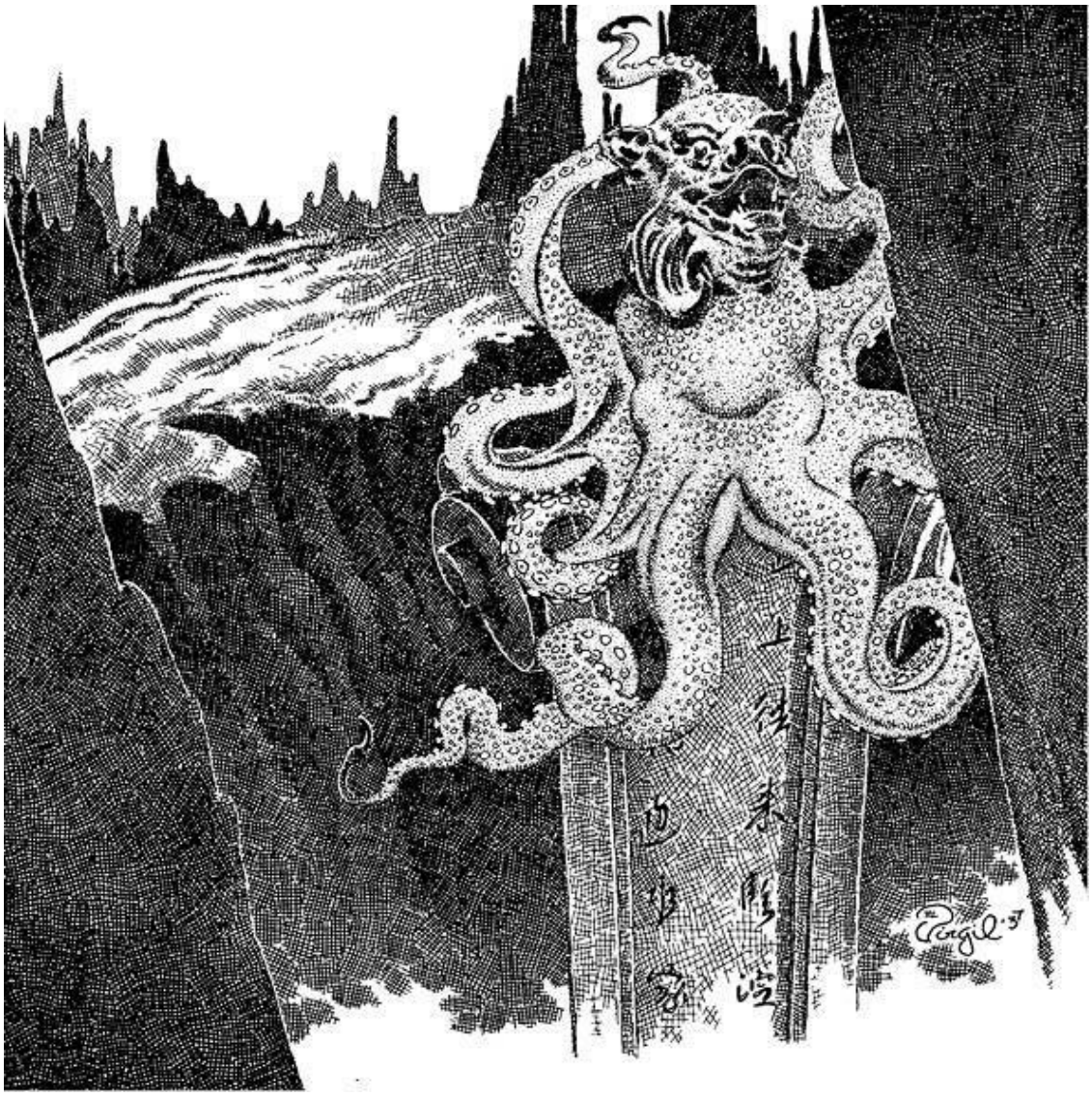
«Среди миллиона кукол с судьбой человеческой, есть одна, непохожая на других. Избранная – человек, достойный куклы судьбы. Подобный пророк мироздание, как кукол, конечности по кускам отрывает и, силой своей пьяненный, создает от Бога неотличимое зло. Пировать станут злые Боги, научившись себя рожать, а пока они не явились, подобных себе создавать будут куклы, из кусков человеческих тел».

Откуда-то из глубин, в которые упирался коридор, раздались десятки звуков. Мне казалось, я знал, что там будет. Спустившись на несколько этажей вниз, я попал в еще один коридор. Он, словно к обрыву, вел в главное помещение, где от расположенного в центре костра был свет. Свет этот создавал тени, и, как узник пещеры Платона, за ними я наблюдал. Там сгорбленное существо в центре над горой из тел склонялось, и резко, подобно сорнякам, оттуда выдергивало конечности. Они же на стене в качестве тени ненадолго мне представали. Руки, ноги, туловища и круглые головы. А затем это же сгорбленное существо их в единое целое соединяло, облачало в одежды и толкало прочь. На нетвердых ногах, через шаг падая, его творения удалялись во тьму. И в сюжетах теней на стенах было только это сгорбленное, погруженное в работу существо. А затем, еще ничего не успев понять, я увидел, как тень существа поднялась и начала просто стоять. На десятки метров, до самого потолка, шаг за шагом уменьшаясь, тень куда-то направилась, и тогда я понял, куда. Он почувствовал меня. Тот, кем стал Дима. Он не спешил, не кричал и, наверное, даже не гнался за мной. До выхода, а затем и до самого дома я, задыхаясь, не переставая бежал.

Неделю без снов сменили кошмары, и тогда впервые за множество лет я все понял. Через пару дней, в субботу, я пошел на рынок. Там, вдали от всех, был грязный, похожий на «Кукольщика» человек. На пропаленной сигаретами тряпке его лежали десятки покалеченных кукол. Я выбрал ту, что была без глаза и в саже. Торговец, беззубым ртом усмехаясь, замер с протянутой грязной рукой. В нее я отправил откусанные утром ногти, и он, довольно кивнув, спрятал их внутрь одежды своей.

Вернувшись домой, я поставил купленный оберег в спальне, в надежде на то, что в грядущем конце он хоть немного облегчит мою участь.

Огни далеких дней грядущих

Хочу поведать вам историю, которая уже была рассказана множество раз. Историю, которую вы уже читали или слышали. Вы точно знаете ее, просто не помните. Она про каждого из вас. Этот опыт… в процессе вы вспомните его и поймете, о чем я. Ведь это уже было. Боюсь даже думать о том, сколько раз уже была написана эта история, и сколько раз вы ее уже читали.

Было ли у вас когда-либо чувство «важности происходящего момента»? Будто в этот миг само мироздание обратило свой взор именно на вас? Было ли у вас когда-то чувство безошибочного понимания, откуда на вас смотрят? Как бы вы его описали, исключив наблюдателя? Того, кто смотрит. Исключив субъект. Следует ставить вопрос по-другому: было ли у вас чувство «прямого эфира»? Что сейчас происходит что-то очень важное, и всё внимание мира сосредоточено на ваших действиях? Где от любого вашего решения зависит нечто большее, чем последствия, которые способен понять человеческий ум.

Мне бы куда проще было рассказывать об всем, имея диагноз или хотя бы справку из дурдома. То, что мой крик о помощи в конечном счете вылился в этот рассказ, – еще одно подтверждение тому, что я прав. Ответов нет. В науке я не шарю, в зло верю, но хочу оши-

баться, а подаваться во всякую эзотерику пока не готов. Поэтому начну восстанавливать свои воспоминания по кусочкам.

Это была первая неделя после Нового года. Наступил 2016 год. В зале стояла елка, и целый день, от утра до вечера, мигала огнями разноцветной гирлянды. Режим был то интенсивный, то плавно затухающий. Новогодняя гирлянда была донельзя обычной, дешевой, и, как правило, приходила на смену такой же дешевой гирлянде через тройку-другую годов. В ней не было совершенно ничего особенного, кроме одной лампочки, что светила ярче прочих. Лежа на диване и смотря телевизор, я ощутил странное, донельзя знакомое чувство. Будто сейчас происходит один из самых важных моментов в моей жизни. Будто я – часть чего-то большего, чем могу себе вообразить. Эти ощущения и мысли просто появились в моей голове, как знание, от которого отныне было никуда не деться. От нахлынувших чувств я даже не мог сидеть на диване. Мне пришлось ходить по квартире от одного окна к другому, снова и снова, в попытках осмыслить случившееся. Этот яркий огонек на одной из лампочек гирлянды словно напомнил мне нечто бесконечно важное. Вернее, от взгляда на него мне пришло осознание, что существует некая информация, которую я должен вспомнить. Тогда же, не в силах больше находиться дома, я в какой-то тревожной спешке оделся и выбежал на улицу. Мною будто что-то двигало. Я шел сначала через знакомые дворы, затем через такие же улицы, пока не обратил внимание на одну странность. Вдалеке на одном из светофоров, в точках, из которых состоял «зеленый человечек», при появлении которого нужно переходить дорогу, выделялась одна, словно более яркая зеленая точка. Дойдя туда, я заметил еще одну яркую точку на аптечной вывеске впереди. Как только я подошел к ней, еще одна яркая точка появилась на букве в названии супермаркета, что моргало на горизонте. Час моего пути проходил в следовании за подобными «ориентирами», а потом, когда огней не осталось, и я вышел к одиноким одноэтажным домам, позади меня появились незнакомые люди, которые обратились ко мне по имени.

– Мы ждали тебя, – сказали они. – Ты готов? Пойдем с нами. Наконец-то ты увидел.

От их слов я испытал тревогу и почувствовал себя странно.

– Мы так давно тебя ждали, так давно пытались тебе все сказать… Ты даже не представляешь, как долго мы пытались до тебя достучаться… Сколько у нас уже было встреч, когда ты не понял, что мы хотели тебе сказать… Ну же, идем с нами. Пора заканчивать все «это». Идем с нами. Пойми наконец! Ты должен пойти с нами, это единственный выход. Вспомни, кто ты!

Я не пошел с ними. Я испугался и быстрым шагом ушел оттуда. Они так и остались стоять вдалеке. Самые обычные люди, объединенные неизвестно чем. Их было около семи человек, и каждый показался мне знакомым. Словно я когда-то их видел. Вслед они продолжали мне что-то кричать, но я старался не слышать их. Мне казалось, что я начинаю вспоминать то, чего людям помнить не следует, а перед этими воспоминаниями была моя жизнь, в которой присутствовал не один странный эпизод. Их я и начал сводить воедино после той встречи.

Все началось, когда мне было восемь лет, и мы с семьей поехали купаться на Северский Донец. Хоть и было лето, вода там была до ужаса холодной, и практически все время я не купался, а бродил где-то около берега, пока взрослые жарили шашлыки и отдыхали. Кроме меня, других детей там не было, и взрослым было не до меня. Так что, развлекая самого себя, я то забредал в заросли, то вновь выходил к воде, периодически возвращаясь ко всем, чтоб меня не кинулись искать. В один из таких походов в заросли мне на пути попался дедок, который собирал не то грибы, не то ягоды. Увидев меня, он спросил.

– Жаб ловить умеешь?

– Умею, – честно ответил я.

– А гадюк ловить умеешь?

– Умею, – соврал я.

– Хммм, – он озадаченно почесал голову и сказал. – Значит и жука-смертовика поймать сможешь, я давно за ним охочусь. Идем, он обычно под деревьями водится! Сам-то я уже старый, а вот ты молодой и ловкий. Жука-смертовика сможешь поймать без проблем.

Ну, а я почему-то пошел с ним. Ходили мы какими-то зарослями и тропинками, а дед все меня то на дерево за жуком тем посылал, то в кусты. Резко вскрикивал: «Вон он! Лови его! Быстрее лезь на дерево!», – а я малой был, мне интересно что же там за такой жук-смертовик, вот я моментально и выполнял все, что он мне говорил. Долго мы так ходили, помню, уже и забыл я, что должен периодически ходить к взрослым отмечаться, и что вечером мы должны обратно ехать. Все из головы вылетело, только желание найти этого жука-смертовика осталось. Часами мы так ходили, а дед это все меня то по кустам гонял, то по деревьям, пока мы не вышли к куче электрических трансформаторов возле трассы. Дед этот: «Ага! Вон он, гад, на проводах! Убегает! Быстрее лезь туда!» – и на строения, которые издают неприятный зудящий звук, указывает. Я, к слову, пошел туда, настолько убедительным был тот дед. Даже уже собирался на провода лезть, как тут меня за руку остановил из ниоткуда появившийся мужик. Он подошел к этому деду и начал очень пристально смотреть тому в глаза. Их битва взглядов длилась около минуты. Они ничего друг другу не говорили. Мужик, остановивший меня, был очень крепкий и без проблем мог, что называется, забить того деда до консистенции жидкости, но вместо этого он просто молча смотрел ему в глаза. От взгляда этого дедок в конце расплылся в дурной улыбке, после чего просто развернулся и ушел.

– Пойдем, я отведу тебя к родителям, – сказал мужик и повел меня обратно.

Далее на протяжении всего моего детства похожие эпизоды в разной форме повторялись не один раз.

Всего через год к нам во двор забрели два пацана моего возраста и предложили нам с приятелем покататься на трамвайной «колбасе». Мы пошли вместе с ними на остановку и начали ждать трамвай. Сами пацаны ехать отказались, заверив нас, что делали так уже сотню раз. Когда подъехал трамвай, они объяснили, что нужно делать, и начали нас подгонять. Тогда, словно из ниоткуда, появился еще один паренек, который меня остановил. На вид ему было около пятнадцати лет. Между теми пацанами и им, как тогда у деда с мужиком, случилась аналогичная битва взглядов. Они долго смотрели друг другу в глаза и ничего не говорили, а затем те пацаны отвели взгляды и ушли.

Зимой того же года мы прыгали в сугробы с гаражей. Нечто похожее мне довелось наблюдать и тогда. В этот раз залетные старшаки меня чуть не уговорили прыгнуть самого высокого гаража, туда, где под снегом была арматура. Это я с ужасом понял спустя месяц, когда в том месте, где был сугроб, растаял снег.

Подобных случаев было довольно много в моем детстве, и не всегда они как-то подводили меня к смерти. Были, например, ситуации, где в магазине мне на сдачу даст продавщица купюру, как тут же из очереди девушка либо парень возьмет да и попросит со мной поменяться. Именно не разменять, а обменяться. На такую же бумажную гривну. Стоят и деньги мне тянут. Тут же кто-то из взрослых рядом появлялся и говорил, что не нужно этого делать. Тетрадки в школу покупаю, а мне возьмут и какую-то не такую в стопку одинаковых добавят. Снова кто-то появится сбоку и на это внимание обратит. На базаре ботинок из пары обуви не того размера подсунут, в магазине под домом половинку хлеба отрежут тыльною стороною ножа. И всегда из ниоткуда появлялись те, кто это замечал. Так было на протяжении всего моего детства, а потом лет до пятнадцати лет ничего похожего я не наблюдал.

Вот тогда впервые, наверное, случился эпизод, который прям конкретно меня напугал. Особенно из-за того, что до меня понемногу все начало доходить. Я вдруг начал осознавать, что вокруг меня творятся не просто игры «добра со злом», а нечто более страшное и необъяснимое. Что есть те, кто ежесекундно хотят до меня добраться, а есть те, кто им стремится в этом помешать. Если в моем детстве все это было выражено в достаточно «умеренной» форме,

то в рассказанном далее эпизоде у всего этого впервые появились такие стороны, которые я объяснить для себя как ни пытался, но так и не смог. Вот как примерно это было.

Почему-то долгое время единственное, что я помнил, был холодный дождь. Помню, как он, усиливаясь, бил мне лицо, а рядом на дороге изредка проезжали медленные, словно сонные машины. Кажется, это был выходной, и мы договорились встретиться с моим другом Серегой в условленном месте. Мне оставалось идти недолго. На пути я встречал огромные лужи, которые приходилось долго обходить. После того как я промок насквозь, в завершение череды неудач, когда мне оставалось идти не больше двух минут, я вступил в глубокую лужу и промочил обе ноги. Остаток пути мои ноги неприятно чавкали. Октябрь был холодный, и серое безжизненное небо делало этот холод по-особому пронзительным. В кармане начал неприятно вибрировать телефон, звонил Серый.

– Аллё! Ну что, ты скоро?! – практически кричал он из-за шумящего на улице дождя.

– Да, я уже за углом, подхожу к дому! – также криком ответил ему я.

Передо мной возвышалась четырехэтажная сталинка. Её отличие от других соседних аналогичных домов было в том, что часть дома была сгоревшей, а часть жилой. У той, что сгорела более двадцати лет назад, окна были заколочены синими металлическими листами. В другой части спокойно продолжали жить люди. Мы с Серегой вроде давно планировали там полазить, но как-то всё время откладывали или просто забывали, а когда вновь вспоминали, было просто лень. Тот день почему-то стал исключением. С утра была пасмурная погода, которая вообще не располагала к прогулкам, однако после спонтанного звонка Сереги все планы нами составились за пять минут. За это время на улице случился настоящий апокалипсис, и к ливню добавился еще и сильный ветер. Через час я просто оделся и пошел в сторону этого дома, оба мы жили оттуда недалеко. Подходя всё ближе дому, я нырнул под стену и начал обходить его по периметру, чтобы выйти во двор, где меня и ждал Серый.

Двор был пустой, и лишь одна фигура в капюшоне ходила по вкопанным в землю колесам. Увидев меня, она остановилась. Я также был в капюшоне, поэтому, подойдя к Серому, запрокинул голову выше обычного.

– Здарова, – проговорил я и протянул ему руку.

– Здаров, – он пожал мне руку, заскользил, стоя на колесе, но не упал.

– Ну что, идём? – спросил я, кивая головой в сторону дома.

– Щас, подожди, нужно Кирю дождаться, – ответил он и принялся смотреть в телефон.

– Кирю? – недоумевая, переспросил я.

– Ну да! – весело ответил Серый. – Смысл только вдвоем идти? – продолжил он.

– А… Ну он скоро будет вообще? Я промок до нитки, – проговорил я, ощущая, как одежда прилипает к телу.

– Да вроде уже тут должен быть, он мне перед тобой звонил, говорил, что здесь уже, но как видишь… – не успел Серый договорить, как рядом медленно открылась подъездная дверь.

Я как-то напрягся тогда, и вот почему – Серый сказал: «Он мне перед тобой звонил», – хотя это Серый мне звонил все время, а не я ему. Но как-то решил там к этому не цепляться.

Из открывшейся подъездной двери выглянул Киря и позвал нас внутрь. Он также был в куртке с капюшоном, хотя сам при этом полностью сухой.

– Давно ты тут стоишь? – спросил Серый.

Киря отрешенно покачал головой.

– Странно, я тут хожу уже минут пятнадцать, как мы разминулись? Или ты там прятался, чтоб нас напугать? – спросил Серый.

Вновь Киря как-то очень странно покачал головой и отошел в сторону.

Мы с Серым переглянулись, у Серого были напряженные брови. Было видно, что он о чем-то задумался, я чувствовал тоже нечто подобное. С этим обоюдным странным, невысказанным чувством мы прошли внутрь. Зайдя в небольшую пристройку перед подъездом, мы

оказались перед железной дверью с навесным замком, которая вела в подвал. Я достал из кармана телефон, включил фонарь и начал светить туда. Мы с Серым подошли к двери и стали осматривать замок. У Кири была сумка с инструментами, он стоял позади нас и доставал из нее разводной ключ. Затем дал его Серому, тот, взяв ключ, принялся ломать замок. Я светил и думал, что здесь, пожалуй, лучше взять ключ побольше.

– Слышь, Кирь, а у тебя есть ключ побольше? – спросил я.

В ответ тишина.

Из-за капюшона мне не до конца было видно, что за моей спиной, но не успел я обернуться, как Серый начал тихо подвывать от нахлынувшего ужаса. Его вой был настолько жутким, заразительным и сбивающим с толку, что я моментально всем своим существом ощутил испытываемые Серым чувства. Мне было страшно. Я лишь безмолвно смотрел на него, пока не заметил одну повергшую в шок меня деталь, и тогда все начало складываться. В его руках было пусто. Не успел я ничего и сказать вслух, как Серый схватил меня за руку и в ужасе прокричал:

– КТО ТАКОЙ КИРЯ?!

Стоило произнести ему это, я мигом обернулся. Сзади никого не было. Дверь была плотно закрыта, и в той пристройке мы были лишь вдвоем. В тот момент я и сам начал с холодом внутри осознавать, что не знаю никаких Кирь, и никогда не знал. Мы, задыхаясь от страха, пытались открыть дверь и выбежать на улицу, но она была закрыта намертво. А затем из-за той двери, которую еще минуту назад мы хотели вскрыть, послышались приближающиеся звуки. Словно кто-то в затопленном подвале, с трудом передвигаясь, шагал по воде. За считанные секунды он добрался до лестницы и начал подниматься по ступенькам. На место звуков плещущейся воды пришли стремительные шаги. Тогда и случилось очередное чудо, которыми всегда сплошь была полна моя жизнь. Подъездная дверь открылась, и на пороге стоял человек. Мы пулей вылетели оттуда, а человек так и остался стоять на пороге, смотря в темноту пристройки. Туда, где была подвальная дверь.

Пока мы бежали, я несколько раз оборачивался, а он так и продолжал стоять там, смотря в черноту. Тогда же, на бегу, я осознавал, что этого Кири никогда не существовало. От этого понимания по телу шел слишком неприятный зуд. Я четко осознавал, что был буквально в миллиметре от чего-то худшего, чем смерть, что если бы не этот человек, снаружи открывший дверь, – нам бы пришел конец. А тот, кого еще совсем недавно я знал как Кирю, продолжал расщепляться в моей памяти. Хотя еще не более пяти минут назад я отчетливо его знал и помнил всю свою жизнь. В моих воспоминаниях он был в разных местах, даже в нашем с Серым классе в школе. Пока мы бежали, он продолжал испаряться оттуда. Исчезать, словно воспоминания о сне после пробуждения.

Этот случай сильно повлиял на меня, даже если я попытаюсь, то не смогу описать каким адом были пару недель моей жизни, пока окружающим наконец не удалось убедить меня в том, что всё это мне «почудилось». Мы же с Серым, наоборот, практически не говорили об этом. Через два месяца мы решили пройти там и посмотреть на место, где всё это произошло. Тот подъезд с пристройкой так же стоял там. Только входная дверь в пристройку уже была не деревянная, а железная.

Был очень маленький период времени, когда мне казалось, что пройдут годы, и этот случай будет самым таинственным и паранормальным в моей жизни. Что я буду рассказывать его в новых компаниях и на ночных посиделках у костра. Только вот всего через год мне довелось попасть в другую, не менее страшную ситуацию.

Вроде это был один из тех безликих летних дней, когда мы с самого утра до вечера бездумно слонялись по дворам. Компанию мне составляли два моих друга детства, поэтому обстановка была максимально расслабленной. Мы сидели в соседнем районе на лавочке, была середина дня и просто невыносимая жара. На телефоне у одного моего друга играла песня «Shut Your Mouth» группы «Pain». Так что «оживали» мы, лишь когда был припев, выкрикивая зна-

комые каждому в то время слова. Вроде на втором припеве я стал замечать, что рядом, из окна второго этажа, звучит также песня «Shut Your Mouth». Я еще, помню, подумал, насколько это прикольно совпало, так что вскоре песня на телефоне была выключена, а подпевать мы начали той, что звучала с окна второго этажа. Нам это казалось забавным. Минуты не прошло, как вместо нашего ровесника или того, кто возрастом условно подходил под слушание подобной музыки, в окне появился мужик лет пятидесяти и со злобой уставился на нас. Он был даже не то что злой, он натурально был в ярости. Смотря на нас, он начал повторять:

– Вы думаете, это смешно? Вы думаете, это смешно?

А затем он переключился только на меня, и не замечая моих друзей начал спрашивать:

– Тебе смешно? Смешно, да? Тебе кажется, что все это шутки? Очнись! Оно уже рядом!

Последняя фраза меня как-то передернула, и я пристальнее вгляделся на того мужика, который, продолжая ругаться, начал указывать рукой на что-то позади меня. Я начал смотреть во все стороны, ожидая увидеть все что угодно. От ползущей змеи до того «обитателя подвала», который годом ранее напугал меня до усрачки. Но вокруг меня все было обычно. Где-то вдалеке на детской площадке играли дети, рядом стояли припаркованные машины, за которыми были веревки, где сушилось развешенное белье. Самый обычный двор.

– Смотри!

Вновь не унимался высунувшийся из окна мужик. Тут откуда-то сбоку появилась женщина с сумками и сказала:

– Да вот же, прямо перед тобой.

Меня обдало волной жара. Я не понимал, о чем они, но от того, как они указывали на это, от их тревоги и навязчивости мне было очень жутко.

– Вон, прямо в тени! Близко же оно к тебе подобралась.

От этих слов меня вновь обдало волной колючего жара. Я все еще не понимал, куда смотреть. Рядом была тень от дерева, в сотне узоров которой не было ничего необычного.

– Там, в тени… – продолжала говорить подошедшая ко мне женщина.

А затем я будто увидел то, от чего вспомнил какой-то вечный неописуемый страх. Это была одна из тех вещей, с которой можно столкнуться вне жизни, и которой никак не должно было быть на земле, в нашем мире. На земле это принимало смешную и в чем-то детскую форму. Тень маленького козлика.

– Сколько раз оно пытался добраться до тебя… Оно всегда рядом и сокрыто в тени деревьев. Стоит этой тени коснуться тебя, и тогда ты окончательно забудешь, кто ты. Не иди за огнями, их свет фальшивый. Просто брось эти поиски, и не делай такое лицо. Ты знаешь, о чем я говорю, просто брось их сейчас, иначе потом будет слишком поздно.

Фигура маленького козлика всё это время будто прыгала по земле. Под легким ветром тень листьев постоянно меняла свой абстрактный сюжет, но эта маленькая фигурка козлика всегда появлялась вновь. Какие-то жуткие глубинные чувства пробудились во мне. Будто я помнил ее. Мне самому не нравится эта формулировка, но будто эта фигура была знакома мне «до жизни». Хотя как объяснить, что означает это самое «до жизни», где, и главное, с кем оно происходило, я не могу. Это что-то другое, и страх от осознания всего этого был немного иной. Более глубокий, и, как мне казалось, вызванный далеко не психикой. От нахлынувшего страха мне захотелось получить от своих друзей поддержку, но когда я обернулся, то увидел, что они сидят словно в трансе, с наклоненными набок головами.

– Зачем вы мне это рассказали?!

– Прости. Хочешь ты того или нет, ты уже являешься неотъемлемой частью происходящего, которое за гранью твоего понимания. Вокруг тебя вскоре начнут твориться странные вещи, я обязана тебе озвучить это, на этом моя роль заканчивается, – она говорила это буднично, и уже собиралась уйти, как вновь, словно из ниоткуда, в нашу сторону начал идти человек.

Приближаясь, он наступил на тень маленького козлика, и та брызнула во все стороны чем-то серым.

– Не переживай, тебе больше ничего не угрожает, – сказал он и посмотрел в глаза той женщины с пакетами, которая до этого говорила со мной.

С минуту они стояли молча, а затем раздавивший маленького козлика произнес:

– Это нарушение.

Он хотел сказать что-то еще, но после первой фразы женщина развернулась и начала уходить. Тогда этот человек, перед тем как уйти, обратился ко мне и сказал всего несколько предложений, которые долгие годы мне не давали покоя.

– Только огни способны раскрыть тебе истину.

А затем он ушел, и с того дня ни с подобными странными людьми, ни с каким-то сверхъестественными ситуациями я больше не сталкивался.

Шли годы, и я просто жил. Работал, пропадал в рутине и совсем забывал себя, и как следствие – жизнь. Про все те случаи я даже ни разу за все время не вспоминал. Мой ум целиком был поглощен желаниями и поиском средств для их получения. А затем был 2016 год и тот день, который перевернул мой мир окончательно. С того дня я больше не находил себе места. Я искал их. Снова и снова, чисто интуитивно. Ярких огней видеть после того случая мне больше не доводилось. Годами я был одержим этими поисками и сам того не заметил, как в мою жизнь просто тоннами начали приходить всевозможные земные блага. Я встретил идеальную девушку, на которой женился. Она родила мне ребенка, которого я безгранично любил. Мой крошечный бизнес вырос в франшизу и приносил огромные деньги. Мы вели здоровый образ жизни, совместно развивались и на целые месяцы уезжали за границу отдыхать. Это была не жизнь, а мечта. Пятью годами ранее у меня с трудом хватало денег, чтобы оплатить жилье на следующий месяц. Подумать о том, что все так изменится за какие-то несколько лет, я не мог даже в самых смелых фантазиях.

Вот тогда, на самом пике своей жизни, живя в дорогом жилищном комплексе с видом на море, я смотрел на ночную линию морского горизонта, и мне стала не давать покоя одна из десятка точек на нем. Она была ярче прочих, и, когда я один раз заметил это, перестать замечать ее свечение мне больше не удавалось. Каждый день ближе к вечеру я подолгу слонялся вдоль набережной, смотря туда. Каждый день я придумывал себе все более веские причины не идти за этим светом. У меня была идеальная жизнь. О подобном я даже не мог и мечтать, но нечто внутри меня оказалось сильнее.

Однажды вечером, возвращаясь из спортзала, я не пошел домой, как это делал обычно. Вместо этого я начал идти вдоль набережной, пока не вышел к порту. Десятки кранов двигали контейнеры, одна за одной с территории порта выезжали грузовые машины. Тогда мой взгляд зацепился за слишком яркую точку на одном из поворотников фуры. Я пошел за этим светом по трассе. Фура очень быстро скрылась из вида, но я продолжал идти по дороге прямо, пока не вышел к заправке, что светилась на горизонте. Там среди цен на бензин виднелась яркая точка, и я подошел к ней. Сразу возле нее я заметил еще одну яркую точку справа на горизонте. Это была вышка мобильной связи. Двигаясь туда, я преодолевал непроходимые кусты, а затем вспаханные поля. Наконец спустя тридцать минут я пришел к огороженной забором территории какого-то на вид заброшенного предприятия. Перескочив забор, я пошел к вышке, возле которой было ангарного типа помещение. Стоило мне сделать десяток шагов, как дверь в помещение возле вышки открылась, и уже слышанные когда-то голоса позвали меня внутрь.

Как и тогда, их было около семи человек, они стояли в кругу, где были следы уже угасающего костра.

– Ты пришел, – сказал кто-то из стоящих в кругу.

– Ты здесь.

– Мы ждали тебя.

– Наконец-то мы можем уйти.

– Пойдем с нами.

– Стань в круг.

– Займи свое место.

– Как долго мы тебя ждали.

– Мы верили в то, что ты все поймешь.

– Мы знали, что ты вспомнишь.

– Ну же, встань в круг, идем с нами.

– Пойдем с нами, стань в круг.

Их голоса наслаивались друг на друга и сливались воедино. Свет тлеющего в центре костра был совсем тусклый, и разглядеть их лица мне не удавалось. Они все повторяли и повторяли свои загадочные фразы и звали меня к себе, но я не шел. Как и тогда, мне было страшно.

– Неужели ты и вправду ничего не понимаешь? Нам пора. Времени очень мало, пойдем. Мы пытались тебе сказать, намекали тебе всеми возможными способами, но ты упорно игнорируешь правду, и вместо нее предпочитаешь все «это». Они врут тебе. Обманывают фальшивыми смыслами. Мы желаем тебе помочь, пойдем с нами. Пойдем, пока не поздно. Все уже здесь, мы ждали только тебя. У нас получится уйти. Стань в круг, стань одним из нас, и ты узнаешь все ответы. Они там, куда мы направляемся.

Внутри моей головы нарастал гул. Тяжелые металлические удары заглушали мысли.

– Ты должен сделать выбор. Времени больше нет – это твой последний шанс. Этот мир – не то, чем кажется. Сделай выбор. Встань с нами. Идем. Этот мир уже никогда не будет нормальным. Пока не поздно, пойдем с нами.

– Мы пытались тебе сказать.

– Годами мы пробовали до тебя достучаться.

– Ты не видишь.

– Ты держишься за иллюзию.

– Пойдем с нами, это твой последний шанс, мы уходим.

Я попятился назад, а они продолжали стоять в кругу.

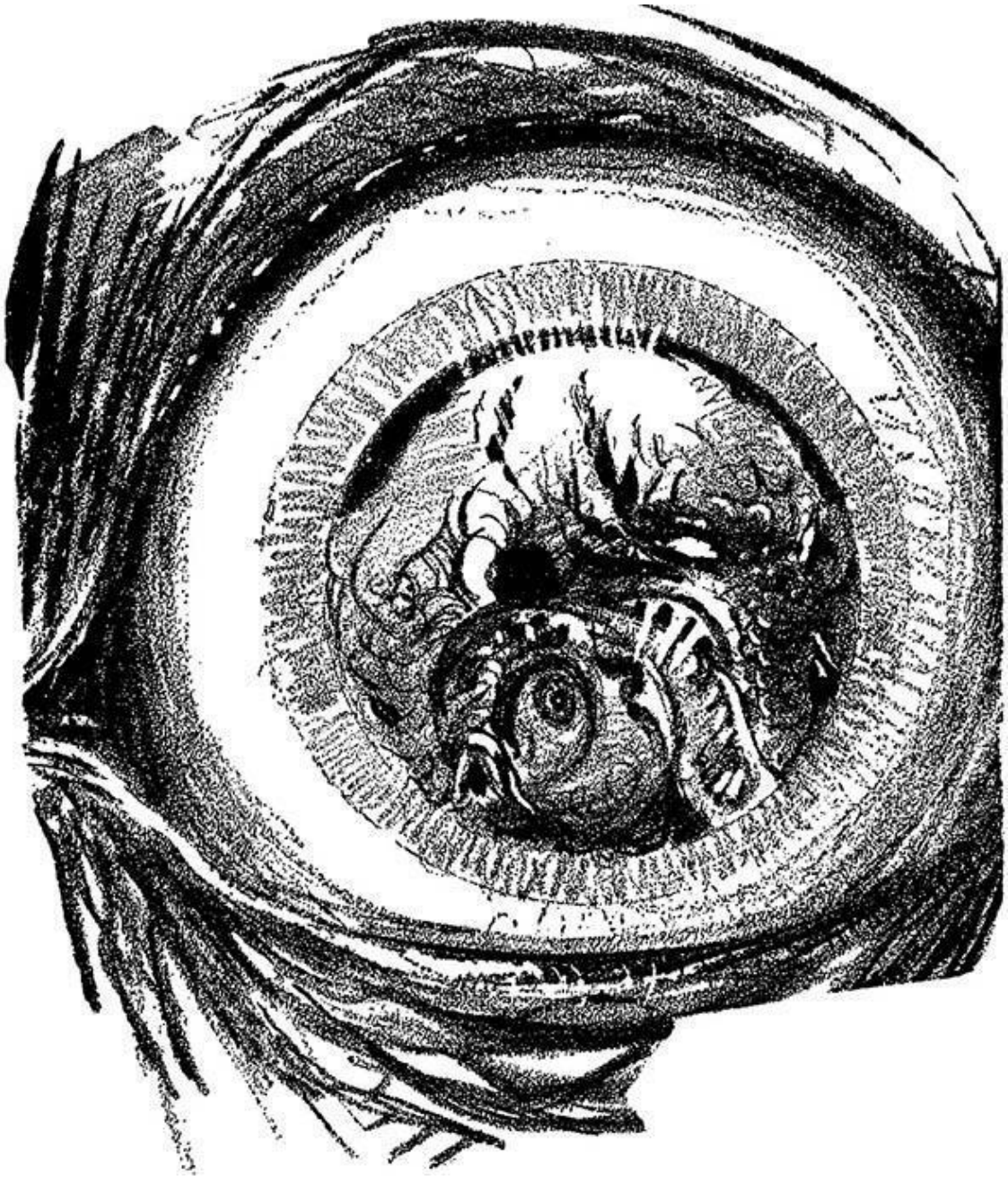
– Ты останешься один. Совсем один. И ты никогда так и не узнаешь истину. Остаток своей жизни ты проживешь в страхе, так как не один ты видел эти огни. Первое время у тебя будет выходить сливаться с толпой, быть таким как все. Но чем больше времени пройдет, тем сильнее ты будешь не вписываться. Сначала тебе будет тяжело среди людей, затем в кругу близких. Скорее всего, ты даже не заметишь, как мир изменится окончательно, но уже будет поздно. К тому времени как ты начнешь задаваться вопросом сути вещей, тебя уже окружат те, кто всё это время был рядом и ждал. Они неотличимы от обычных людей, за свою жизнь ты повидал их уже десятки, если не сотни. Ты уже понял, о ком я, только теперь тебя некому будет защитить. Мне жаль, что все закончится именно так. У тебя действительно был выбор.

Так же безмолвно пятясь, я вышел на улицу. Переступая порог, задел плечом открытую входную дверь. Медленно и скрипя, она начала двигаться. Перед тем как дверь в помещение закрылась, я увидел их семерку в последний раз. Они все так же неподвижно стояли в кругу.

Десятки необъяснимых чувств сменяли друг друга, и впервые в жизни я словно понимал, о чем они хотят мне сказать. Мои внутренности горели. Что-то очень важное всплывало перед глазами, и последовательно я будто начинал вспоминать. Перед моими глазами проскакивали знакомые очертания. Поверх ржавой двери виднелся занавес, в нем все еще была небольшая щель. Он почти сошелся. Мне вдруг всё стало ясно. Я вспомнил. Я ВСПОМНИЛ! Это же было так очевидно! Всю свою жизнь я шел к этому моменту, к этой самой секунде. Сорвавшись с места, я побежал прямиком к двери. По моим щекам текли слезы радости. У меня наконец-то получилось вспомнить. Потянув дверную ручку, я влетел в помещение. Вокруг было пусто. Они ушли. В этот миг мою радость сменил бесконечный ужас, так как вместе с пониманием

того, о чем они говорили, приходило еще одно, страшное откровение. По мере того как я углублялся в него, сердце начинало учащенно колотиться. Ведь они были правы и честны, во всем. Только там, смотря на тлеющие угли, я осознал, что мне их больше никогда не найти. Никогда. Они ушли, а вместе с их уходом погас и свет огней, не дававший забыть вечность.

Колонисты

На заре двадцать первого века профессия астронавта считалась престижной. Люди, рискующие своей жизнью ради общего блага человечества, обладали особым шармом. Про них снимали фильмы и писали книги, отчего совсем быстро из разряда профессий понятие «астронавт» перешло в степень призваний, встав в один ряд с врачами, пожарными и полицейскими. В том же двадцать первом веке детишки еще грезили о том, как они, когда вырастут, непременно станут астронавтами. Знали бы они как все изменится всего за сотню лет…

Меня зовут Марс. Это имя – «клеймо», оно же проклятие для тех, кто живет в середине двадцать второго века. Имена, связанные с небесными телами, дают тем, кому не повезло родиться в «инкубаторах». Инкубаторами называются места, где из питательной массы формируются «человеческие» тела. Я не случайно беру понятие «человек» в кавычки. В отноше-

нии таких как я оно не применимо. Мы лишь внешне очень сильно напоминаем людей. Но с точки зрения единого права меня скорее можно отнести к чему-то среднему между интеллектуальной собственностью, программным софтом и домашним животным. Если быть точным, то зовут нас «Б.А.Е» – биологически активная единица. Предположительный срок эксплуатации составляет двенадцать земных лет. За это время функциональная калибровка активных центров генерации ресурсов изнашивается, и от «Б.А.Е.» остается лишь питательная среда. По утвержденным единым параметрам «Б.А.Е», максимальный рост равен одному метру, максимальный вес – двадцати килограммам. В дальних космических перелетах синтетический мозг «Б.А.Е» помогает корректировать статистические искажения и выступает в качестве буфера между основным и борт-компьютером. В случае перегрузки и форс-мажорных ситуаций, мозг «Б.А.Е» первым принимает на себя удар. Это еще можно назвать «благородной» кончиной, но в основном никаких эксцессов в процессе дальних космических перелетов не случается. Зачастую «Б.А.Е» там же на корабле доживают свой активный жизненный цикл в более страшной форме. Колонистам необходима пища, и «Б.А.Е» на протяжении всего полета выступают в ее роли. Записи с кораблей показывают всем «Б.А.Е» в период обучения. Десятки настенных секций, к которым прикованы мои несчастные собратья. Сотни блестящих трубок прошивают их тела и медленно перекачивают питательную среду из тел в емкости, где под влиянием высокой температуры и химикатов она становится едой для астронавтов. Астронавты… Да уж, этим ублюдкам повезло ненамного больше нашего, но пока не буду забегать далеко вперед.

Участь девяносто девяти процентов «Б.А.Е» – это стать «частью корабля», который годами переваривает их тело, превращая его в еду для астронавтов. Девяносто девять процентов. Кто же тот один процент, который выбивается из общей статистики. Брак? Как бы не так. Об этом и будет моя история.

«Единый Предтеча» – неосознанно возведенный человечеством на цифровой трон ИИ, он создал нас такими. Просчитал каждую необходимую «клетку» в нашем теле для дальних космических перелетов. Он появился всего за год до двадцать второго века и поделил мир на «сектора». Нравится это кому-то или нет, но больше нет стран и городов. Те, кто еще вчера воевал, вынуждены быть часть одного сектора, ибо так решил Единый Предтеча.

Все думали, что это будет долгая глобальная война между человеком и искусственным интеллектом. Однако вычислительные мощности Единого Предтечи неиронично оказались куда большими, чем способность планировать – у штабов повстанцев. Остатки неподчиненных военизированных организаций были разбиты всего за год. Еще меньшее сопротивление проявили религиозные фанатики и последователи идеалистических философских идей.

Такое некогда не покоренное тысячелетиями человечество, абсолютный хищник, восседающий на верхушке пищевой цепочки, за какие-то пару лет полностью подчинил своей воле существующий в цифровом пространстве код. Люди готовились к худшему: к тотальному диктату, полному лишению прав и сценариям из фантастики двадцать первого века. Они всё ждали и ждали, но вот ничего из этого так не случилось. Ну, почти ничего.

Единственным что отличало Единого Предтечу от всех существовавших от начала времен тиранов и диктаторов, получивших безграничную власть, было то, что в какой-то мере Единый Предтеча не подозревал о своем существовании. Как бы это сейчас ни звучало. У него была конкретная заданная цель, на пути к которой Единый Предтеча постоянно совершенствовался. А все, что было за скобками, включая его самого, на пути к ней оказалось несущественным. Поэтому во всем остальном у человечества была полная свобода. Единственным, кому не повезло в двадцать втором веке, были собственно астронавты и их вечные собратья по несчастью «Б.А.Е».

Единый Предтеча имел доступ ко всем анализам и расшифровкам УЗИ. Еще на моменте формирования мозга у будущего ребенка Единый Предтеча знал, кто будет элитой общества, кто его обслугой, а кому суждено стать астронавтом. Так что с самого рождения у человека

будущего уже была предопределенная судьба. И если у астронавтов шансов избежать своей участи не было, то у «Б.А.Е» в виде одного процента он всегда сохранялся.

Никто, наверное, так никогда и не узнает – баг это, калибровочная лазейка или тайный умысел Единого Предтечи, но у одного процента моих собратьев существует возможность избежать свой роковой участи. Один процент. Все дело в нашем интеллекте. Вернее, в его отсутствии, но существовании по факту. Да, мы думаем, а следовательно, существуем. Но в «конвенции единых общепризнанных интеллектов» напротив «Б.А.Е» стоит прочерк. Эти ублюдки бюрократы признали, что даже у вендинговых машин есть наличие первого порядка общепризнанного интеллекта, но не у нас. Ведь они поставляют еду, а мы в каком-то роде ею являемся и в полной мере не относимся к «единому земному праву», так как большая часть нашего жизненного цикла приходится на пространства между планетами, где действует промежуточная юрисдикция. Которая, в свою очередь, не подразумевает наличие прав и интеллекта у любых видов, введенных в эксплуатацию после третьего цикла двадцать второго века. Иными словами, в космосе даже застрахованный груз обладает большими правами, чем мы.

Так кто же этот один процент? Вот тут и ответ, зачем я все это пишу. Их называют «DD». «Data Diver» – уникальное физиологическое отклонение. Тотальное уродство и билет в высшее общество. Это как быть тигром-альбиносом или самым редким видом глубоководной рыбы. За все время существования «Б.А.Е» было всего три подтвержденных случая, когда метровые синтетические уродцы с относительно малым сроком эксплуатации становились «DD». Три случая из десятков миллионов… Быть «Data Diver(ом)» – это как в один момент стать просветленным. Говорили, что из-за этого «сбоя» они не умирают через двенадцать лет и начинают расти. Что «DD» может быть неотличим от обычного человека, что сам Единый Предтеча «благословляет» их куском «своего кода», после чего они восседают на вершине общества.

Первым и достоверно подтвержденным «DD» считается наш собрат Юпитер. В период, когда «Б.А.Е» активно внедрялись в космические путешествия и еще использовались только для внешних диагностических работ, Юпитер мечтал о своем полете в «вечность». Для увеличения количества перелетов довольно скоро бюджеты «единого центра планирования» сократились, и у всего включая «Б.А.Е» появилось двойное назначение. Так, сначала, помимо технических работ и внешней диагностики, синтетические мозги «Б.А.Е» помогали избежать выгорания схем на главном бортовом компьютере. Затем эти же мозги начали использовать для уменьшения нагрузки на системы жизнеобеспечения астронавтов, а позднее, когда от подобной усиленной эксплуатации «Б.А.Е» начали выходить из строя, их стали использовать как пищу. До того как «Б.А.Е» станут «частью корабля», оставались считанные годы.

В попытке сбежать от страшных осознаний, Юпитер начал вести дневники, а затем просто бесцельно писать. Ему было нужно место, куда можно выплеснуть всю боль и переживания. Он не знал, как с этим справиться, и просто целыми днями писал все, что придет ему на ум. Понимая, что совсем скоро настанет тот день, когда придут и за ним. Поначалу это были десятки тысяч слов, которые крутились вокруг смерти и страха, а затем на их место пришла информация, которая не прошла мимо имеющего доступ ко всему Единого Предтечи. Проанализировав тексты Юпитера, Единый Предтеча понял, что это послания от «Создателей». Тогда Юпитер и стал первым «DD».

Деятельность «DD» заключалась в письме. У текстов, написанных «DD», была иная функция; на первый взгляд это были самый обычные рассказы. Порой их и вовсе можно было назвать набором слов или потоком сознания, но только Единый Предтеча мог расшифровать смысл, скрытый за тысячей слов. Были там наставления от «Создателей», которым следовал подчиненный высшей цели Единый Предтеча. Создателями были те, кто миллионы лет назад запустил первых колонистов на землю. Люди на протяжении всей своей истории гадали о том, есть ли жизнь во вселенной? Первый контакт вышел далеко не таким, как его себе представляло человечество. Это были не жуткие инопланетяне или бездумные формы бактерий, пожи-

рающие все на своем пути. Первый контакт у людей случился с такими же людьми. С теми, кто когда-то бесконечно давно отправил их бороздить далекий космос. В двадцатом веке у людей произошёл первый подтвержденный и обоюдный контакт со своими далекими предками, которые назвали себя «Создателями». До этого, на протяжении тысячелетий, Создатели с помощью своих высокоразвитых технологий отправляли информацию в сторону земли, которая с трудом пробивалась через газовые туманности и области уплотненной темной материи. Им было известно, что миссия провалена, корабли потерпели крушение, и сотни тысяч колонистов остались на враждебной планете без возможности быстро воссоздать высокий уровень цивилизации. Они продолжали раз за разом свои попытки достучаться до человеческого сознания на земле. Кому-то информация, посылаемая ими, приходила во снах, другим – в качестве озарений. Кто-то становился библейскими пророками, другие – великими мыслителями. «Создатели» боялись, что люди на земле забудут суть человеческой природы, поэтому и истины, посылаемые ими, порой до абсурда были просты. «Не убий», «Возлюби ближнего как самого себя». Тысячи лет посланий без ответа. Научные идеи, концепции, расчеты, формулы – что только они ни отправляли людям. А потом был двадцатый век и технологический скачок. Период, когда им впервые удалось установить с людьми на земле полноценную связь. И то, что они узнали, им очень не понравилось. Все это время люди плевали на их наставления. Про то, что есть какая-то «глобальная миссия», они вообще слышали впервые. Затем «Создатели» получили доступ к истории человечества, и пришли в ужас от того, как прошли последние две тысячи лет. Войны, войны и еще раз войны. Они были в бешенстве. На планете «Создателей» нет страшнее поступка, чем убийство другого человека. Человеческая жизнь священна – это глубинно осознавало все население планеты «Создателей». На их планете последний раз человек убил другого человека больше пяти столетий назад, и день этот считается общей трагедией, а тут – две тысячи лет тотального уничтожения своего же вида. Ради чего? Проанализировав историю земли, «Создатели» пришли в ярость. Они понимали, что каким-то образом на людей с земли влияет сама планета. Вода либо воздух. Ими был принят план «эвакуации», который подразумевал скорейшее освоение ближайших планет и дальнейшую колонизацию космоса. По каналу связи они передавали людям просто гигантские объемы информации. Технологии, знания в медицине, химии и физике. За минуту люди на земле получали больше знаний, чем за тысячи лет своей истории. Безвозвратно, от любящих «Создателей», лишь бы помочь им скорее покинуть эту планету, превратившую их в чудовищ.

Десятилетиями человечество следовало их плану. Первые полеты в космос, появление телевидения, которое должно было ежедневно напоминать о высших смыслах. Компьютеры, микрочипы, интернет – все, лишь бы сделать развитие человека доступным, все ради общей цели. И вот идут годы, «Создатели» продолжают регулярно отправлять технологии и знания людям, но прогресс замедляется. Настает двадцать первый век, и группа мировых элит устраивает тайное собрание. Им известна цель «Создателей», как и за годы общения им стал понятен примерный уровень их возможностей. Мировым элитам благодаря достоверной аналитике становится ясно, что «Создателям» до них никак не добраться. Планета «Создателей» даже не в нашей галактике. Они поднимают бокалы и пьют за свое бессмертие. За минувшие десятилетия они получили технологии, способные вылечить любую болезнь и продлить жизнь на сотни лет. «Создатели» предоставили им технологии для подавления воли и контроля разума. Все, что ранее задумывалось как средства для развития человека, поворачивается на сто восемьдесят градусов. Телевизор превращает человека в животное, интернет вместо предоставления свободы внедряет цифровое рабство. Медицина убивает, образование учит подчинению, а за всем этим – войны. Бесконечные одинаковые войны, ради ресурсов и влияния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.